

Кузьма Вараба

Заброшенная территория

Сихотэ-алинь. Вершина
Темная.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Кузьмин

Заброшенная территория

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кузьмин А. Н.

Заброшенная территория / А. Н. Кузьмин — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08302-8

В Приморской глубинке школьницы с учителями отправляются в поход на одну известную вершину Сихотэ-алиньского хребта, где тайно выращивается наркотическое зелье! Долгое время там промышляет возглавляемая полицейским банда. Здесь же, на горе, по сведениям ФСБ, находится необходимый для производства сверхоружия элемент, так нужный, как террористам, так и всем разведкам мира! Все эти группы оказываются в одном месте и в одно время. Переплетение элементов фантастики с действительными событиями конца и начала 20 века. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-08302-8

© Кузьмин А. Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. 17 сентября. Кавалеровский полицейский отдел	5
Глава 4. Отшельник.	13
Глава 5. Учитель химии. 11-б.15 сентября.	15
Глава 6. Кавалеровский отдел полиции. 16 сентября.	18
Глава 7. Поездка опергруппы.	21
Глава 8. Леший – бобыль.	23
Глава 9. «Ананас» приходит к Лешему....	25
Глава 10. Суздальцев мчится в Кавалерово.	29
Глава 11. Елена – восходящая звезда дискотек!	32
Глава 12. За рюмкой коньяку.	34
Глава 13. Радов и Каменцев.	38
Глава 14. Два опера.	39
Глава 15. Леший и Радов.	40
Глава 16. Бывший егерь и его племянник.	41
Глава 17. Отшельник и Леший.	42
Глава 18. Наблюдения за домом Ананаса.	44
Глава 19. После дискотеки.	45
Глава 21. Бутова игнорируют.	49
Глава 22. Встреча с информатором.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1. 17 сентября. Кавалеровский полицейский отдел

Посвящается Виталию Касецкому – кавалеровскому писателю, автору повести – «По ту сторону Темной»

«Вымокшая тайга угрюмо шумела под непрекращающимся ливнем. Собака заходилась лаем, изрыгая, рвущую пространство, противную истероидную катафонию. Шишкарки оставались, вслушиваясь, стараясь понять причину странного лая. Затем старый пес протяжно и жалобно завыл, оставаясь на одном месте в вечернем темном кедраче. Когда люди подошли к животному, оно уже вырыло в хвойном дерне глубокую яму. Люди склонились и помогли псу. В яме лежал истлевший труп мужчины. По армейским берцам и «фиксам», сверкающим на фоне матового черепа, обтянутого тонкими лоскутами желтой кожи, один из присутствующих опознал в мертвце своего двоюродного брата, сгинувшего на Темной семь лет назад....»

«Без тоски и без печали
В Кавалерово стучали,
Кто же сажит коноплю
Близко к старому ручью?!»

Сидевший через дорогу в прибрежных кустах старый угрюмый наркоман свирепым взглядом «сверлил» вспотевшую после съеденного в обеденный перерыв горячего борща спину начальника криминальной полиции майора Бутова. Угрюмого травокура позавчера выпустили из КПЗ, а сегодня «выдергивали» на допрос. Перед тем, как войти в здание полиции, он спрятал у речки пару пяток химки. И сейчас, чудом избежав очередного ареста, с трудом отыскивал в колючках «закуркованую» самим же наркоту. Уже хотел «втратить косяк» здесь – в полусотни метров от «мусарни» – в зарослях лопуха и полыни, как увидел бодрым шагом спешащего в отдел «врага всех наркоманов», при встрече и воспоминании о котором, лица у многих торчков приобретают «кислое» выражение! Поэтому напротив каждой второй фамилии информатора Бутов непроизвольно хотел поставить псевдоним – «КИСЛЫЙ»! Но «КИСЛЫЙ» уже был! Всех стукачей «Кислыми» не назовешь – по бухгалтерии не прокатят! А «Кислый» и без всякой бухгалтерии работал очень продуктивно... и не за СТРАХ, ДЕНЬГИ или наркоту, а по глупости! И сдавал «братву» своей мимикой и реакцией на задаваемые вопросы, а так же создаваемой после суетой..., особенно в виде телефонных переговоров по мобильному. Сам при этом считал себя стойким «порядочным шпанюком», не сотрудничающим с госорганами. Внешне оно так и выглядело! Особенно ценную информацию «КИСЛЫЙ» предоставлял для оперчасти в местах лишения свободы! Поэтому связью его там обеспечивали всегда. Оперчасть всячески старалась повысить «Кислому» авторитет среди бродяг и других «порядочных арестантов». Сам «Кислый» об этом не сном, ни духом! А, за то, Бутов через спецфинчасть МВД неплохо премировал себя, выписывая деньги на «Кислого», как штатного информатора! «Кислый» уже должен был быть миллионером, но, за куст конопли, посаженной за летней кухней, в очередной раз оказался в зоне!

Бутов взлетел по ступенькам мимо менявших вывеску, слегка «подданных» рабочих. У электрика сегодня был юбилей – 65 лет. Скоро на смену ему придет его сын, так как более-менее сытные места часто передаются в стране по наследству. И... чем престижней место, тем ожесточеннее борьба за его сохранения в роду. Профессионализм и работоспособность, а, уж, тем паче, порядочность и ответственность, вкупе с честностью и совестью играют здесь второстепенную роль! Все эти качества давно для дураков!

Именинник с утра «проставился» самогоном собственного производства. Магазинное «пойло» он не понимал и не принимал, боясь отравиться, или просто тяжело болеть с утра. Как говорится, хочешь, чтобы получилось хорошо – сделай сам!

Помимо работы электрика в этой престижной для городка «приадминистративной» фирме, он еще подрабатывал кочегаром в бане, получал горняцкую пенсию, подторговывал по осени браконьерской красной икрой и круглогодично, для «своих», самогоном! Отчасти, именно благодаря качеству этого его напитка, фирма его «свояка» особо не простаивала без заказов. В маленьких городках все по-другому. Здесь большую роль играют не только деньги, но и уважение! Два года назад на свадьбе у дочери начальника РОВД гости пили отменного качества «Гавриловский» самогон – настоящий на кедровых орешках и лимонных корочках, прогнанный через активированный уголь, да в завершение очищенный парным молоком. За качество алкогольной продукции Кавалеровцы уважали электрика Гаврилыча, плюс – сколько он еще в Советское время перечинил радио и бытовых устройств!? Люди помнят добро!

Рабочие фирмы, выигравшей тендер на обслуживание местного РОВД, снимали временную «Полицейский отдел» и подвешивали постоянную «Полицейский отдел».

– Ну вот, теперь полная капитализация жизни наступит! – ворчал рыжеусый рабочий, – А то название мешало экономической свободе граждан. Все-таки милиция оттуда..., из советского прошлого, а полиция?! Гм-м-мм... Из светлого будущего.

– Эх, заживем!!! – поддержал его электрик. Рабочие бодрились, не беспочвенно надеясь, что им есть место в этой новой эпохе! – Хоть наверху и воруют нещадно, но и они – «не лыком шиты!» – то же кое- что могут – не бедствуют! Позорно для мужика при любом общественном укладе быть бедным. Своруй, убей, завладей..., но – не ной! – К такому мировоззрению приходило все больше и больше людей. Воровать – не позор! Бедный – это позор!

«Сатанизм», широкой поступью шествующий по стране, поглотил и значительную часть таежных тружеников! Считаешь себя бедным?! Ограбь ближнего своего! Ограбь муниципалитет! Вырви зубами кусок из тела природы для себя! Отгрызи часть Общего блага.... Только не ной! Уподобься злобному хищнику – сдохни, перебив всех вокруг..., только не плач! Ты ВОИН!!!

Не воин это, а – ЧЕРТ! И выползла эта ядовитая болезнь из сырых карцеров «ШИЗО», заразив всех вокруг. Для общества это страшней СПИДА! Тюремные понятия – это «бубонная чума», поражающая человеческое сознание!

У электрика две дочери и обе уехали учиться в город. Они с супругой поздно их родили. Учеба нынче не дешевая, плюс жилье, питание да развлечения!

– Наконец-то! – бросил Бутов дежурному, – А то проверку ждем, а у нас все реформы тормозят!

Он вчера вернулся из командировки в краевой центр. На время проведения Азиатски – Тихоокеанского Экономического форума во Владивосток собрали лучших оперативников из районов. И должности в этом случае не спасли Бутова, ни от нахождения в ночных засадах, ни от мордобоя с распоясавшимися авторитетными бизнесменами на бухте Шамора близ городка отдыха «Жемчужный» (т. 84232468825). Впрочем, дрались они на популярном дальневосточном пляже, будучи «не при исполнении» – сами развлекались здесь.... Это не Кавалерово, где любой, мало-мальски проживший в районе, знает любого заслуженного опера!

– Где Скрипко, Сергей? – на лестничном пролете он догнал молодого оперативника.

– Не знаю, Вадим Вадимович. Только что был здесь.... На улицу, наверное, покурить вышел..., или в «наркoкoнтрoле».

– Он что? Еще не бросил?! – наигранно грозно спросил начальник Криминального розыска Кавалеровского ПО майор Бутов у недавно прибывшего из Хабаровской школы полиции, подстриженного наголо молодого оперуполномоченного.

– Не знаю, вроде бросил... – неуклюже замявшись, ответил младший оперуполномоченный Матвиенко. Его лицо светилось строгой радостью при виде «своего будущего наставника и покровителя!»

– А ты?! – скорчив физиономию, спросил начальник и остановился у автомата с газировкой, стоявшего у кабинета Матвиенко. Налил из грубо покрытого свежей краской старого автомата граненый стакан «углекислотки». Выпил его залпом, пока опер возился с замком, и, крикнув от продравших пищевод газов, поставил стакан в мойку дном вверх, надавил ладонью, и тонкие струи воды шумно сполоснули изнутри многоразовую стеклянную емкость. «Этот стакан, наверное, ровесник самого автомата!» – подумал главный опер.

Разливной автомат появился здесь лет пять назад по инициативе начальника полиции. Начальник в молодости проходил практику в кузнечном цехе авторемонтного завода. Стоял июль. И что чувствовали кузнецы рядом с жаровней трудно представить! Но рядом стоял автомат и приятная прохлада «злющей», сильногазированной воды запомнилась будущему полковнику на всю жизнь. Цех затем пришел в запустение, и автомат сдали на металлолом. Десять лет назад, тогда еще подполковник, поднял на уши только что принятый под руководство отдел и нашел-таки тот автомат. Пять лет ушло на неспешную реставрацию, и пять он уже исправно служит и милиционерам, и полицейским. К автомату приходят отведать газировки и следователи, и ПэПээСники..., но все стараются со своими кружками; и лишь опера демонстративно пьют из одного стакана. «Старая эпоха закончится, когда разобьется этот последний стакан!» – с грустью подумал Бутов, имевший в шкафчике своего кабинета пять граненых «стограммовок» из толстого советского стекла. Ему их передал Пасыков, а тому Михалыч-Воробей, а Михалычу Коробов. Такую оптимальную емкость роняй – не роняй, все равно не разобьется!

– Почему еще не бросил курить!? – продолжил нажимать Бутов на молодого лейтенанта, вошедшего в только что заселенный кабинет. Майор последовал за ним.

Парень растерялся, соображая, – третий день на службе!

– У нас президент курит?

– Ни как нет, товарищ майор! – не ломая голову, перешел на «инструкции» опер и загадочно улыбнулся.

– Ну, вот... Что бы и ты мне, ко дню милиции..., фу-ты, милиции..., да и все вы бросили!

– Ясно, товарищ майор! – оперуполномоченный оперативно выдвинул ящик стола и сбросил с него пачку «Винстона» обратно в ящик, который молниеносно закрыл, – Это еще и для вхождения в контакт, а не только.... Кстати, а какой президент не курит?

Заметив мелькнувшую пачку, лейтенант милиции подумал: «Я десять лет назад бросил на «Милдсэвэне», а в его возрасте курил «Бонд».... Богатеет страна!»

– Ты еще спроси – чей!? Президент у нас один, иди, служи! – И майор Бутов поднялся в свой главенствующий на третьем этаже кабинет. Из окна виднелся Кавалеровский парк, пересеченный вдоль и поперек пешеходными дорожками, выложенными керамической плиткой, по вдоль и в конце которых стояли разнообразные облупившиеся от времени фигуры-постаменты, созданные неизвестными скульпторами в 50-60-ые и установленные в парке поселка Лудье (позже – Фабричный). К середине 70-х огромную женщину-геолога с неприступным волевым лицом, мужчину-проходчика с отбойным молотом на плечах и таким же лицом, медведицу с медвежонком..., а так же всякую мелочь переместили в Центральный Кавалеровский парк, в который из окна только что выглянул Бутов. Парк, поутру, был разсосредоточенно наполнен вяло прогуливающимися молодыми мамашами с колясками и рыскающими на поводках собачками, суетливо принимающих к урнам у лавочек. Пожилая постоянная посетительница из рядом стоящей пятиэтажки, что-то приговаривая, кормила голубей у фонтана, уже как полвека неработающего по причине убыточности данного мероприятия. Из неоткуда появившись, через парк расслабленно «проплыл», теперь чему-то загадочно улыбающийся, травокур «Кислый». Листва с тополей ровным слоем чуть прикрыла дорожки. Редкие, старые аттракционы

и карусели еще не заработали из-за только вчера закончившегося дождя, а так же по причине буднего дня, а еще и первой его половины. В Кавалерово осталось мало детей. Молодежь разъехалась, и потомство воспитывалось в других – финансово более благополучных местах!

Зазвонил телефон.

– Алло! – взял трубку Вадим.

– Вадик, это я! – прозвучал голос Скрипко.

– Ты куда пропал?

– Я в машине, еду в «Лудье»....Одного субъекта надо увидеть.

– Надолго?

– На полчаса.

– Через час жду у себя!– Бутов увидел заглянувшую в кабинет девушку и махнул рукой: «Входи, входи!»

– Все?

– Все!– выключил он телефон,– Ну?! И какие, Ань, проблемы?– взглянул на скрещенные, коротко прикрытые светло-голубым платьем мясистые ножки, присаживающейся на стул светловолосой, симпатичной особы, с ярко накрашенными полными губами, и прозрачными светло-голубыми глазами.

Опять звонок..., но на стационарный:

– Алло?

– Карпушкин говорит! Смотри там, Вадим! Скрипко наши «краевики» интересуются.

Карпушкин – это начальник межрайонного отдела наркополиции.

– Да понял, понял. Займусь профилактикой!– положил трубку и широко улыбнулся, – А ты все такая же, Анька! Сексом от тебя за километр несет!

– Заехал бы вечером тогда, Вадик. Или, запах секса командира «Уголовки» уже не торкает?– девушка грациозно перекинула шоколадные от загара ноги.

– Работа, Ань..., прежде всего работа и лишь потом..., после выполнения. А тебя? Что на данный момент торкает?

– Ну, работа – так работа! Мне нужно, Вадичка, с коробок химки и эфедрина таблеток сто!– при слове «эфедрин» голос ее злобненько зарычал.

– Ну, ты же знаешь, Аньчик, эфедрин не могу. Хватило и того раза! А химки? Да хоть три короба. Ну, рассказывай!

– Ну, ты же знаешь, Вадь, без эфедрина много не расскажешь. Люди болтливы под «мулькой». А под «химкой» они замыкаются в себе!– и повернулась со стулом к майору, скинув ногу с ноги и чуть расщеперив их. В результате узенькая полоска трусиков мелькнула прозрачной, чуть втянутой вовнутрь, белизной.

– Ну ладно! Не нужна химка, так не нужна!

– Химка – это для меня, Вадь..., или для нас! А мультка для дела! Понимаешь?!

– Рассказывай! Там посмотрим!– голос майора прозвучал серьезно, и устало, но взгляд еще раз зацепился за белое, тоненькое прикрытие,– Б****ь ты, Анька, конченная!

– Ха!!! А ты – нет?!– ее, и без того большие глаза удивленно округлились,– Когда один блядует с другим, то один – б****ь, а другой – ангел? Тебе перечислить с кем ты за последний месяц? И это только то, что известно мне. А ведь матерые опера умеют соблюдать конспирацию.... Ведь, правда, Вадик!?

– Хм?! Я всегда считал тебя лучшим из агентов!– улыбнулся он,– У нас работа непосредственно связана с б****ством. Вот такой наш общий недостаток. Только я бездарь в этой теме, а ты – талант!

– Ну, спасибо за комплимент! Петрович думал так же. Слушай:.....

«Что-то в ней есть от Мэрилин Монро!» – подумал Бутов, – «Овал лица, вечно удивленные большущие светлые глаза... Белые завитушки, в конце концов! Да и наркотики жрет с не меньшим аппетитом!»

деньги!»

Глава 2. Думы наркомана

Стоял сентябрь. Сильный дождь поливал дороги, улицы и огороды уже второй день. То хлестал, то лениво моросил, осыпая надоевшими каплями листву, раскрасневшуюся на кленах, еще зеленую на дубах, уже облетевшую на тополях, посаженных когда-то вдоль рудовозных дорог. Потоки сбегавшей с сопков воды быстро наполняли реку, воды которой готовились вобрать в себя косяки кеты, стремящиеся из Тихого океана на икромет, который произойдет в глубине Сихотэ-Алинской территории. Капли густо сыпались на тяжелые от созревших и влажных шишек кроны вечнозеленых могучих кедров, тянувшихся своими коричневыми, смолянистыми стволами к серому небу из продолжающихся с Юга на Север, на тысячи километров, суровых Сихотэ-алинских склонов, накидывающих сейчас на свою поверхность лоскутное красно-коричнево-желтое осеннее покрывало, радующее своим великолепием все живое перед тем, как, сбросив всю красоту, провалится всем своим былым великолепием в спокойную стужу декабря. Лишь зеленые кедры, да другие сосны, будут некоторое время, яркими островками зелени, выделяться на буро-коричневом фоне опавшей листвы, а потом склоны покроет снег, и задуют холодные ветра, несущие сухой морозный воздух с континента.

Жители поселка знали – дождь – это хорошо! Потом бы еще ветер! – и тяжелые, набухшие от влаги шишки, «небесным камнепадом» упадут по всей тайге. Будет орех – будут деньги! А орех в этом году уродился, а значит, вот-вот деньги принесут в поселок радость жизни. Круглосуточная сумятица у пивных ларьков. Переполненные веселыми лицами маршрутки.

«Все будет – только не ленись!» – подумал Василий Михайловский и пошел в сарай за мешками под орех.

К этому времени на северных сопках края поспели не только орехи – кедровые, маньчжурские, лесные, не только вкусные и лечебные ягоды – элеутерококка, лимонника, аралии, барбариса, кишмиша, брусники, винограда..., но и конопля, или на английский манер – марихуана – продукт жизнедеятельности человека в этих краях. На Юге Сихотэ-Алиня, это пахнущее смолой растение, с древности произрастает в дикой природе. А здесь – «Север»! Или точнее – «Северо-Восток»! И семена наркотического зелья завезены приезжими и курьерами, время от времени возвращающихся со злополучной территории, расположенной вдоль Российско-Китайской границы и густо заросшей дикой маньчжурской коноплей.

В долине речки Темная, берущей начало под вершиной одноименной горы, у Жеки Радова и находились интересные посевы конопли, так называемые «пятаки». Когда-то в наркозоне он носил гордое звание «опиушника». Опиум – его любимый наркотик, а точнее давно ставший единственным, вызывающим в Жекиной душе настоящий «кайф». Вся остальная «химия» – это так..., придаток к «настоящему»!

Много лет назад, еще до тюрьмы, Жека с братьями по увлечению «налетал» на огороды в частных и дачных кварталах, вырывая с корнем посаженный для украшения участка опиумный мак, вытаптывая в грабительском захвате грядки с огурцами, помидорами, картофелем, ночами пугая своим вторжением мирно спящих после насыщенного трудового дня Кавалеровцев.

Вскоре «от греха подальше» хозяева частных подворий мак сеять перестали. И уже многие лета опиум покупали у «барыг». А для этого нужны были деньги. Их требовалось больше и больше, так как доза неуклонно росла. Поэтому сам Жека Радов приторговывал «химкой», производимой в виде смолы-гашиша из определенного сорта сорняковой травы, выращиваемой глубоко в тайге. У него еще оставались силы и воля не только для производства приносящего доход вещества, но и для сбора кедровых орехов, поиска металлолома, временной

работы подсобным рабочим, и походов вглубь Приморских субтропиков на поиски легендарного женишеня. А этим сентябрем кедровые выдали большой урожай орехов, приносящих стабильный и приличный заработок до самого Нового года. – «Будут шишки – будут деньги – будет «ханка»!», – рассуждал Жека, посматривая через грязное кухонное окно на ливший вторые сутки дождь и прихлебывая повторно заваренный не сладкий чай из почерневшей фарфоровой кружки. На подоконнике из пепельницы торчала «пятка химки» – завернутый и задраный вверх сантиметровой окурок папиросы, начиненной недавно изготовленным гашишем. Радов, мелко втягивая горьковатый напиток, на старой, исцарапанной, деревянной табуретке ждал должника. Вчера он уколол своим наркотиком Леху Каменцева с условием на сегодня совершить с его стороны тоже. А Лехи все не было. Евгений напряженно прислушивался к звуку приближающихся к подъезду шагов. День назад он сдал в приемный пункт, украденный с комбинатской базы дюралеаллюминий и, на вырученные от его продажи три тысячи рублей, приобрел у беременной Анны четыре качественных дозы. Торговки, приобщенные к этому делу не без, равнодушного или какого другого, участия милиции-полиции, опасались продавать Радову плохой товар – ведь он авторитетно отсидел на зоне, был знаком в настоящем с безпредельщиками из Кавалеровского «общака», находился в здравом рассудке, что являлось редкостью для наркомана с его стажем. Двойную дозу, тут же, на кухне у Анны употребил сам, а оставшиеся два куба, взяв у наркодиллерши кипятка, развел до четырех миллилитров и, вернувшись, домой, поделился с Каменцевым.

В данный момент Жека и не рассчитывал, что Леха вернет ему укол в первоначальном виде, но и не чистую воду – все-таки же!!! А Алексея все не было.

Считаешь возможным, положи 100 рублей на Яндекс-деньги 410 011 431 928 609, или туда же 200, чтобы я больше не писал! «Храни вас всех, Господь!»

Глава 3. Приют наркомана.

Теплый, еще по-летнему дождь все бил и бил по разлившимся у входа в подъезд лужам. Раздался стук в дверь!!! Ноги сами понесли открывать, не спросив – кто?

На пороге стоял оперуполномоченный Скрипко. Свой спортивный «Скалайн» он оставил за торцом дома.

– Ты!? – удивился Жека, пропуская «мента» в свой наркоприют. Капитану Скрипко определенно шел яркий, с легкими потертостями джинсовый костюм.

– Здоров! – опер машинально поправил намочшую светлую челку, не мигая, в упор, изучая Жекины глаза, спросил, решительно переступая порог:

– Один?!

Радов не успел ответить, как мент уже заглянул в зал и на кухню. Затем вернулся в прихожую и, как только Евгений защелкнул замок, по-свойски пожал ему руку.

– Проходи! – Жекины глаза возбужденно засверкали.

– Как жизнь? – опер скромно присел на краешек дивана, давно не подвергавшегося чистке.

– Нормально! – Радов расположился напротив, на металлической кровати с провисшей сеткой.

– Что веселый... Раскумарился? Больших трудов мне сегодня стоило отмазать тебя перед Карпушкиным. Сам знаешь, что наркоконтроль к тебе сотоварищи не равнодушен.

– Спасибо! Да откуда раскумарился, Вов?! Говори быстрее, а то я человека жду.... Кстати! Нет ничего?!

– Есть! – Володя засунул пальцы в нагрудный карман и извлек две упаковки снотворного, – Только колеса. У нас проверка с края. Все серьезное пришлось сжечь по акту прямо во дворе отдела, – соврал ему капитан, не желающий лишней раз подчевать своего подшефного информатора запрещенной законом «дрянью». И главное – кого подчевать!? Радов за два года сотрудничества еще не предоставил значимой для Уголовного розыска информации. Так,

общая обстановка в наркоманской, мелко воровской среде. И кто его знает, когда кто-то из ближайшего окружения Радова совершит убийство, изнасилование, террористический акт.

Все это сообщество являет собой потенциальных злодеев, пока что гадающих по мелочи, но в дальнейшем каждый из них может «взорвать несущую в себе бомбу». А когда это произойдет, известно лишь господу!

А так... – ворье есть ворье! Есть высшие авторитеты, в низах которых находятся выполняющие, одним из которых, возможно, случиться, будет Жека Радов.

За это время Радов может совершить множество мелких преступлений, «а ты, Скрипко, подождешь в ожидании, покрывая незначительные Жекины деяния!» – думал сотрудник Угро, – «Наркоманы в состоянии эйфории чрезвычайно болтливы, а поэтому, что известно одному из Кавалеровских «торчков», вскоре станет знакомо «Радедорму». «Радедорм» – кличка Радова...

Капитан бросил зеленую и синюю коробку на подоконник, быстро окинув взглядом территорию на улице. Жека тут же взял их на осмотр:

– Ух, ты! – выдвинул он блестящие блистеры психотропных лекарств, – Радик! – прошептали губы при виде радедорма и мепробомата, – Говори быстрее, Володь! А то спалишь меня..., пацан серьезный должен подойти.

– Кто, Леха?

Жека удивленно взглянул на мента.

– Что, дозу обещал?

Радов тарашил глаза на ухмыляющегося Скрипко, соображая, что ответить.

– Да я в центре его видел, как он на «подачу» к Анне шел.

– Давно?! – обрадовался Жека и про себя подумал, – «Значит ходил за ханкой, значит, не соврал насчет денег, значит, будет доза!»

– Да с полчаса назад, – ответил оперативник.

«Полчаса – это недавно! Ждать, выходит, до блаженного укола еще, минимум, полчаса. Если, конечно, ни каких накладок не произойдет!» – размышлял Радов.

– Знаешь, Жень, что мне надо!? Надо, и это срочно, значит, всех, кто ходит, ходил, или вскоре пойдет в район Темной..., за женишенем ли, за орехами, на охоту и вообще... Задание выписать?

– Я знаю, Вов, кто постоянно обитает на Темной...

– Кто?

– Леший.

– Про Лешего я знаю. У него там плантации женишеня, словно у тебя конопляные.

– У меня? – удивился Радов.

– Кстати, сдай мне одну свою! – проигнорировал вопрос опер, посмотрев за окно на лужи, принимающие капли затяжного осеннего дождя.

– Свою?! – Жекины зрачки вновь расширились.

– Да можно без макушек, лишь бы стволы с листьями сохранились... Мне так, для плана. Будет что наркоконтролю представить!

– Хорошо! – согласился информатор.

– Мне приметку на дороге в виде двух пакетов и полуторалитровой бутылки на обочине оставишь! – опер направился к двери. Радов поспешил следом, обдумывая предложение.

– Задание по «Темной» выписать? – повторил капитан.

– Да ладно! А! Да! Кстати! Доктора Бурьянова часто видят на Темной!

– Это кто?

– Да психиатр наш местный.

– А-а-а! Борода?

– Он, он. И интересуется он вашей Темной..., почти как ты.

–Хм-г?! Ну, бывай!– пожал ему руку Скрипко.

– Ну, давай!– закрыл за ним дверь «ожидаящий» дозы.

Глава 4. Отшельник.

Не раскрытые, повторяющиеся более двадцати лет убийства и исчезновения людей в районе горы Темная подпорчивали жизнь всему, в значительной степени поменявшемуся за последние десять лет составу Кавалеровского криминального розыска.

Более двадцати лет назад на Темную ушел взрывник рудника «Юбилейный», охотник Савельев и до сих пор числился без вести пропавшим.

За полгода до исчезновения передовик горного производства выехал по наградной путевке в Латвию. Там по рассказам очевидцев познакомился с последователями учения Николай Константиновича Рериха «Живая этика». После продолжительных бесед с приверженцами «Новой религии» принял от Агни-Йогов соответствующую литературу. После отпуска вернулся домой на ИЛ- 86. ИЛ-86 являлся тогда новым словом советского авиастроения. Вскоре супруга и знакомые перестали его узнавать. Оставаясь внешне, как и прежде, высоким, поджарым мужиком, Савельев изменился душой. Стал малоразговорчивым, коротая досуг в уединении, за книгой в руках. О чем-то напряженно думал, мало обращая внимания на двух сыновей и супругу. Но, к радости последней, бросил курить и выпивать. А вскоре отказался и от мясной пищи.

После безуспешных попыток поговорить с женой и соседом об «Иерархии света», совсем замкнулся в себе.

Двухмесячный отпуск горняка закончился, и Савельев вышел на работу – взрывать глубоко под землей рудные пласты.

Странное поведение победителя соцсоревнований заставило начальника смены отправить его на медкомиссию. Психиатрический вердикт гласил – взрывником быть не может! А вскоре, намаявшись на непыльной работе по выдаче и приему шахтерских фонарей, уволился с рудника добровольно и окончательно, используя появившееся время для походов в район Темной. Покончил, как ни странно, с охотой и рыбалкой, занимаясь теперь в тайге сбором лекарственных растений и критикуя бывших коллег по азартному, браконьерскому, таежному промыслу.

Затем и вовсе перестал контактировать с ними.

Время от времени получал повестки с просьбой посетить местного психиатра, что и равнодушно выполнял, со временем обретя в докторе некоего единомышленника.

Однажды в сентябре ушел копать на Темную элеутерококк, да так и не вернулся. Показания свидетелей на эту тему имелись в уголовном деле.

Геннадий Вачура, по прозвищу Леший, знал, что пропавший жив и здоров, но об этом, по просьбе последнего, молчал, именуя его в своих мыслях «Отшельником», встречаясь с ним в долине двухвершинной горы.

Там бывший мастер взрывного дела, на километровой высоте, вырыл в корнях огромного кедра просторную землянку с невысокой бревенчатой надстройкой, да и жил в ней уже почти двадцать лет, питаясь кедровыми орехами, грибами, ягодами. В период весеннего голода спускался к речке, выуживал из нее горную форель и глотал ее живьем. Зверье не трогало Отшельника на вершине Сихотэ-алинского перевала. При встречах с Лешим он излечил последнего от болезней желудка и позвоночника, делясь с ним сокровенными знаниями, «на основе которых построен весь материальный мир».

Ни с кем другим Отшельник не встречался, скрываясь в зарослях при приближении охотников-промысловиков с лайками.

Охотникам при Социализме платили небольшую стабильную зарплату плюс сдельщина от добычи!

Охотничьи собаки распознавали запах три дня назад прошедшего здесь тигра, выгоняли на карабины и ружья кабанов и медведей, но не чуяли притаившегося в двух шагах человека. Леший приносил ему одежду, спички, соль. И как-то получил в благодарность золотой самородок, величиной с мужицкий кулак.

Старожил этих мест Геннадий Вачура никогда не слышал о существовании на горе, под названием Темная, залежей золота. Да и геологоразведка еще в пятидесятых исползала Темную вдоль и поперек.

Однажды Савельев рассказал Вачуре о взрыве небоскребов в Нью-Йорке. На следующий день Леший включил свой черно-белый допотопный маленький «ящик» и увидел рассказ Отшельника во вчерашнем изображении. Язык почему-то не поворачивался спросить у Савельева, ни на счет золота, ни на счет присутствующей у того в голове информации. Леший с детства не привык задавать лишних вопросов, а в данном случае, тем более!

Супруга в мыслях давно похоронила Савельева. Сыновья выросли и разъехались, о чем Отшельник как-то и сказал Вачуре, чему тот уже не удивился.

Глава 5. Учитель химии. 11-б.15 сентября.

Кто-то из учеников любил Кихкахина, а кто-то и недолюбливал. У школьников разные симпатии!

Кихкакин, как три года назад, развелся с женой и переехал из большого города в район. Детей у него, в короткой супружеской жизни, так и не появилось. Становившийся, редким секс, так и прошел у них без последствий. Разные взгляды на происходящее – «Она любит осень, он любит лето!» – заставили их обратиться в ЗАКС с просьбой о расторжении брака. Далеко в Кавалерово находился полупарализованный отец, требующий ухода. Кихкакин снял жилье в соседнем подъезде и сильно уставал от встреч с нервным и требовательным отцом. Утешало одно – чувство выполняемого сыновнего долга! Однако старался реже посещать взбалмошного родителя.

Кихкакин пытался познавать жизнь в ее высокой духовной интерпретации. Высокий, худощавый, с очками на бледном лице; с внимательным, глубоким взглядом больших голубых глаз – он нравился многим девушкам.

Учитель шел в кабинет химии по коридору третьего этажа. Свеже постеленный паркет чуть резко, но приятно пахнул, поскрипывая под вышедшими из моды ботинками, с затертыми толстым слоем сапожного крема трещинами на старой, но натуральной коже.

– Андрей Вячеславович, когда пойдем на вершину? – в очередной раз, начиная задавать этот вопрос еще с прошлого года, спросила его Лена из 11-б.

Кихкакин уже давно предложил ребятам этот поход. И заинтересованность школьников возрастала со временем.

– Уже решено, Лена! На эти выходные идем. Сообщите всем желающим – пусть после занятий соберутся в кабинете химии.

– А куда пойдем?! – обрадовалась длинноногая Лена.

– Пока никуда. А если договоримся, то пойдем на Темную.

– Вау!!! Пошла говорить со своими! – ее спортивный зад удалился в противоположную сторону.

После занятий, в химкабинете собрались участники будущего восхождения на гору, возвышающуюся в небо двумя вершинами, и носящую имя – Темная!

– Поход будет не легким. Если нет возражений, то выдвигаемся в субботу. Сбор на центральной площади в 10.00. До темноты мы должны успеть подняться как можно выше и разбить лагерь.... А на рассвете продолжим подъем, – Кихкакин поправил указательным пальцем очки, – У кого имеются палатки?

– У меня есть двухместка, – сказал, учащийся последний год, рослый кингбоксер Павел.

– И у меня двух, – добавил одноклассник Сергей, кучерявый крепыш, на полголовы ниже Павла, выросший в семье закоренелого рыбака и охотника, скончавшегося от рака легкого прошедшей зимой.

Умер отец очень быстро. Неизлечимая болезнь «сожрала» крупного, краснощекого водителя маршрутного такси буквально за месяц.

Отец часто брал Павла на горные реки Сихотэ-Алиня, где они ставили сети на сему и горбушу, ловили на «мушку» ленка, а на «ручейника» дергали пеструшку и форель.

– Хорошо! – подумав, сказал Андрей Вячеславович, – Берите свои палатки. Девчонки втроем в одну двухместку, Павел с Сергеем в другую, а я?! В свою – одноместку. Кто-нибудь из вас ночевал в тайге?

Парни высокомерно улыбнулись, а Настя, Юлия и Лена синхронно качнули головами – «нет»!

– У кого есть спальные мешки?

– У моего папы,– ответила округлая, всегда жизнерадостная, подвижная Настя.

– А папа не запретит тебе поход?

– Никогда!– Настя, от удивления, даже качнула своим широким задом. Грудь ее, параллельно с локтями, опирались о парту. Взгляд Кихакина зацепился за ее движущиеся формы... Настя как-то смущенно улыбнулась,– Кстати, когда я была маленькая, папа рассказывал мне легенду про эту Темную...

– Какую?– заинтересовался учитель.

– Когда-то давно, один из заехавших в Кавалерово чужеземцев изнасиловал русскую девушку. Горняки поймали его и вывезли на Темную..., а там предали мученской смерти. Но он выжил и превратился в этого...

– Кого?!– одновременно спросили Юля с Леной.

– В черта,– Настя как-то смутилась,– И он, это, бегают по тайге и всех волчиц, коз..., ну это..., и потом рождаются от них страшные мутанты.

– Чушь какая-то!– перебил Кихакин,– Откуда ты это взяла?

– Я ж говорю, папа рассказал!

– Давайте, милые девочки, без фантазий, – И вообще!– он поднял глаза на остальных ребят,– Пусть родители всех участников позвонят мне домой в пятницу вечером и подтвердят свое согласие... Дети не «позвонивших», к походу не допускаются!

– Хм...дети!– улыбнулись парни.

– С вами, Андрей Вячеславович, отпустят!– заговорчески сверкнули глаза длинноногой, высокорослой Лены.

– Хорошо, тогда до пятницы! Жду звончков от ваших пап!– он протянул листок со своим номером Лене, зеленый перламутр значков которой, в очередной раз, блеснул огоньком молодости и энергии.

– Ну, всего вам, покорители вершин!– попрощался учитель с покидающими кабинет учениками. Посмотрел за окно на моросивший дождь, и вспомнил про зонтик, так и не купленный до сих пор, из-за своей скромной учительской зарплаты. Теперь, как всегда – портфель с тетрадями на голову и до дома...! Хорошо!– думал он,– Что еще есть ребята, которые кроме дискотек, пива и наркотиков, интересуются еще и природой, ее загадками.

Кихакин, перепрыгивая через грязные лужи, сняв намокшие очки, добрался до подъезда и поднялся на четвертый этаж в свою двухкомнатную холостяцкую квартиру, войдя в которую понял, что зонтик купит теперь уже весной – все равно через месяц пойдет первый снег!

– Хоть бы к пятнице погода восстановилась!– спускаясь со школьного крыльца, сказала рыжеволосая, короткостриженная, миниатюрная Юля.

– Восстановится!– убежденно, в улыбке обнажив на красивом лице правильно расположенные два ряда сверкающих белизной зубов, произнесла не по возрасту пышногрудая Лена – «восходящая звезда» Кавалеровских дискотек!

– Ну, пока, девочки!– удалилась за школьный угол грушеобразная, плавающая широкими бедрами под дождем, фигура светловолосой Насти.

Быстро шагая, ежась под зонтиком, перепрыгивая через лужицы, не осмотревшись перед пешеходной зеброй, она чуть не попала под колеса полицейского УАЗа.

Кихакин поджарил на подсолнечном масле сковородку картошки, включил, еще отцовский, с лучевой трубкой телевизор – греющуюся объемную коробку и, усевшись в кресло-качалку, задумался о бренности бытия.

Покачался-покачался, да и достал из холодильника остатки Дагестанского коньяка – подарок одного из родителей – приезжих из Кавказа. С радостью усугубил его, в этот сырой, накрывающим тоской и одиночеством, сентябрьский вечер. Дождь монотонно стучал о ржавый подоконник, поливая верхушку березы, раскачивающуюся в порывах ветра. В комнате стало

как-то зябко – через открытую форточку в нее просочилась чужая мокрая осень, вытеснив из квартиры на долгий год родную летнюю духоту. Кихкакин задремал. Ему приснился басовито гудящий пароход с неподвижно взгромоздившейся на мачте, огромной чайкой. Пароход был почему-то без людей, сам по себе, уходящий навсегда в океан, на какой-то остров, расположенный близ берегов Индии. Кихкакин с завистью провожал его. Судно не взяло его на борт. Не взяло ни одного пассажира или члена команды! Впрочем, Кихкакин стоял на причале совсем один. Вокруг не было ни души! Да и пароход был один-одинешенек в бескрайних просторах зеленого моря. Нигде больше ни одного судна, автомобиля, крана или другого, созданного человеком механизма.... Только безлюдные, застеклённые, с закрытыми дверьми здания..., пирс, море, пустое от облаков небо, обреченно растворяющийся вдали пароход и огромная, оцепеневшая чайка на нем. Пароход, мерцая, скрылся за горизонтом в направлении Индии. Кихкакин остался один. Море лениво плескалось у причала.

Глава 6. Кавалеровский отдел полиции. 16 сентября.

– Приехал?! Давай, собирай всех на совещание!– встретив на лестнице Скрипко, распорядился начальник Угро.

– Тема, Вадим?

– «Висяки» по «Темной».

– Что, опять руководство подымает «Дела Прошлого Века!»

«Дела Прошлого Века!» – это целая серия убийств в таежной глуши!

– Не опять, а снова! Давай, через десять минут все у меня!

– Постой!– Скрипко окликнул уходящего начальника и спустился к нему, сказав не громко,– Слушай, твой «инженер» такое вытворяет. Второй день западает в общежитие и столько пропускает «басоты» через свой номер, что диву даешься!

– И что? – Бутов внимательно глянул в глаза Скрипко.

– Да так. В общем, то..., мне, то, что?! Только Карпушкинские уже там. И возьмут скоро твоего «инженера»!

– Ясно! Вот сучка! Все не успокоится!– и набрал номер начальника межрайонного ФСКН.

В просторном кабинете Вадим Вадимовича собрались находившиеся в отделе опера, и вразнобой расположились за вытянутым в форме «Т» лакированным столом, отражающим включенные в ненастье матовые плафоны на потолке.

– Хочу...!– Бутов, не торопясь, поочередно посмотрел в глаза присутствующим,– Господа, товарищи и туенядцы, напомнить вам о затянувшемся на долгие годы и перешедшем в хроническую стадию деле, точнее о многих делах, объединенных за два десятка лет в одну папку, носящую название «дело долины Темной».

Бутов был похож на якута или корейца, то ли на калмыка – с кривыми, короткими, но прочными и подвижными ногами, несущими легко и энергично коренастое тело с круглой, крупной, постриженной на лысо головой.

Пять оперативников, сидя, тоскливо смотрели на стоящего во главе стола начальника, ощущая всю безнадежность начавшегося более двадцати лет назад розыска.

– Володя!– обратился майор Бутов к капитану Скрипко,– Напомни господам весь этот процесс!– и плюхнулся в офисное кресло,– Да, по Бурьянову! Это сын погибшего комитетчика из Москвы. Сохранил связи в столице. Как-то наркоконтроль хотел его привлечь... Карпушкин тогда с трудом должность сохранил. Так что с ним аккуратней! Тем более, по Темной! – Бутов засеменил ногами, – Ну рассказывай, Вов! Только без этих слухов о летающих и ползающих мутантах..., и без этого, повышенного фона радиации.

– Что за мутанты, Вадим Вадимыч?– поинтересовался молодой опер.

– Да, навывдумывали пьяные таежники сказок,– начальник Угро быстро просеменил ногами, – Рассказывай, Володь!

– В долине реки Темная за прошедшие двадцать лет совершены три убийства,– начал капитан Скрипко. Молодой опер шепнул рядом сидящему товарищу,– Не так уж и много для такого обширного района! «Да, но это не город!»– возразил тот.

– Совершены они были, по заключению «судмедиков», скорей всего из охотничьего карабина калибра 7.62,– продолжал капитан, – Так же без вести пропали люди. Два года назад известный дельтапланерист...

– Почему – «скорей всего»!– перебил Стас Гусев, уже более десяти лет проработавший в отделе, и поймавший за это время немало лихих людей.

– Потому что пули так и не были найдены. И можно сказать лишь о том, что орудие убийства было, во всех трех случаях, одинакового калибра и приблизительно одинаковой убойной

силы. Срок между первым и вторым убийством составил три года. Между вторым и третьим десять лет. Во всех трех случаях, близ места преступления, обнаружены следы от протекторов шин автомобиля ГАЗ – 66. Следы были смазаны, и идентифицировать их точно не удалось. Две такие машины были у лесхоза и три, на тот момент, находились в частном пользовании у следующих лиц, – Скрипко заглянул в блокнот: – Дмитрия Марусова, мастера Централных ремонтных мастерских; Геннадия Вачура – егеря, обслуживающего Темную; и у Степана Анисимова, служащего пожарной части. После второго преступления и взяли в разработку этого Анисимова, по кличке Ананас, и не без успеха! – Скрипко легким, заученным движением поправил светловолосую челку. Нос его был слегка вздернут. Большие голубые глаза были покрыты маслянистой поволокой. Среди наркоманов ходили слухи, что опер балуется травой.

– Со всех сторон этот Анисимов – Ананас характеризовался как покладистый, добродушный человек, не склонный к агрессии, воспитывающий двух сыновей... Умеренно пьющий, имеющий медаль от МВД за геройство при тушении пожара. Свободное время проводил в тайге, в основном на Темной... Охотился там в одиночку, как впрочем, и большинство промысловиков, – Скрипко рассмеялся, – Эти не как мы! Эти на охоту охотится ходят, а не водку пить. Им компания не к чему!

– Давай, короче! – буркнул «великан» Стас Гусев.

– Короче, мой информатор сообщил, что у этого Ананаса пятаки конопли на Темной и, однажды, он застал моего подшефного за сбором своей травки и ... выстрелил! Осведомитель не понял из чего. То ли пуля, то ли дробь прошла над ухом... Если это не глюк торчка, конечно!

– ВСЕМ ТРЕМ найденным трупам пули угодили ровно по центру затылка и, вырвав лица, сгинули в тайге! – вставил Бутов, – А здесь над ухом..., то ли че, то ли нет?!

– Короче, у Анисимова был произведен обыск, в результате которого был обнаружен мешок конопли и карабин калибра 7.62.

Опера внимательно посмотрели на капитана – «Убийца найден, теперь – коли, да коли!».

– И осудили этого Ананаса на четыре года общего... За хранение наркотиков и не зарегистрированного оружия. Не раскололся чувак, не нам, не по настоящей инициативе генерала Пасыкова – в тюрьме!

Скрипко посмотрел на старлея Гусева, бывшего проходчика центрального рудника.

– Его сам Воробей безуспешно колол три месяца, а затем лично генерал! – сказал, чуть при-поднявшись, старлей.

Глаза оперов в недоумении забегали: «Пасынкову винулись святые, да и о Михалыче-Воробье до сих пор легенды ходят!»

– Продолжай, Вов! – Бутов встал и куда-то вышел.

– Короче, и «коноплю с карабином» доказали благодаря влиянию Петровича. Карабин, как он объяснил, нашел, и только собрался отнести в милицию, как милиция приехала сама. А мешок с валерианой оставил товарищ из Даданцов (заброшенный поселок геологов), типа – потом заберет! Он не смотрел, что в мешке! Самое интересное, что мы выцепили этого товарища, и тот все подтвердил..., и «под воздействием». А как там конопля, взамен валерианы, оказалась, не знают оба. Владивостокский адвокат неожиданно появился на суде с присутствующими на обыске понятыми, которые в один голос утверждали, что это самое вещество пахло знакомым лекарством, а не незнакомой коноплей.

– А карабин? – спросил младший лейтенант Матвиенко.

– А карабин видели: «Да, стоял у входа!» – Скрипко задумался, – Пытались узнать – кто оплачивает услуги и вышли на ...

В кабинет громко вошли следователь комитета, привлекательная женщина средних лет, и Бутов, который отдал распоряжение:

– Собираем опергруппу, и срочно на выезд!

– Что такое? – приподнялся Скрипко.

– Убийство на Темной!

«Фабричный – это, вообще-то, Лудье – старое китайское название, в переводе, как считали старожилы – это «Яма»! Названия должны иметь историческую ценность, а не обозначаться в картографии по прихоте бессовестных чиновников! Все распадки в Лудье всегда наименовались по принципу первого поселенца на этой земле – «Цепилевский» (Цепилев), «Китайский» (первые – китайская семья), «Шпакинский» (Шпакин), «Цинковый» (геолого-разведка обнаружила цинк)... Прошу прощения, остальные названия забыл! А ведь, их было много! Из рек помню Тадуши, Даданцы, Сибайгоу, Ордагоу, Фудзин, Нотто... Из поселений – Тадуши, Кенцухе, Лудье, Лифудзин, Тетюхе... Память подводит, чтобы вспомнить остальные!

Это уже история, это наша жизнь – в моем пионерском возрасте наши чиновники, в связи с советско-китайским конфликтом на острове Даманском, выдумали новые названия сел и городов. Нас в школе, в 1973, по прошествии 4 лет после конфликта, обязали купить новые тетради, и в них вместо – «ученик Лудьевской средней школы» написать – ученик «Фабричной средней школы!» Старые тетради попросили выбросить в мусорку, или сжечь!

Прошлого нельзя придумывать – оно уже прошло! Оно останется таким, каким было! К концу повествования, возможно, вспомню еще несколько имен, потому как, любой распадок в тайге не был безымянен, а назывался, или по фамилии охотника, или события, или реки, или растительности! Один распадок, ведущий на канатную дорогу, назывался «Майкой». Не знаю, почему!? Распадок было сотни, и каждый был с именем! Так же было и с ключами, впадающими в более крупные реки. Помню только два – Деревянкин ключ и ключ на Канатке. И подавляющее большинство нас – пацанов – знали их все! Поэтому нам было просто рассказывать друг другу о рыбалке, походах и охоте»

Глава 7. Поездка опергруппы.

Оперативную группу составили: следователь комитета Галата, опера Матвиенко и Гусев, и эксперт Кашаев. В зад тесного «воронка» посадили брата покойного, Григория Вечерова, должного показать место.

Поехали на 469-ом, за рулем которого сидел Егорыч, когда-то возивший теперешнего министра Пасыкова, в бытность того еще капитаном уголовки, прибывшим тогда в Кавалерово из Первомайского районного отдела г. Владивостока. Разогнались по ул. Дерсу Узалы и чуть не сбили на зебре девушку

– Ну что ж ты, красавица!– выскочил, из с визгом остановившейся машины, Сергей Матвиенко.

Лена, с побледневшим лицом, уже впрыгнула на тротуар,– Надо ж аккуратней!– сказал ей вслед Сергей.

«Так ведь зебра!»– показала на разметку девушка.

Опер залез обратно в УАЗ, который шумно тронулся и помчался дальше.

– Ни че так Милашка!– повернулся ей вслед Стас Гусев.

«Козлы ментовские, чуть не сбили!»– возмутилась вдогонку уезжающему авто будущая участница восхождения на Темную.

– Ну и погодка!– недовольно пробурчал Егорыч, раздражаясь на резиновые щетки дворников, плохо стиравших воду с лобового стекла.

«Говорил завхозу, что бы купил силикон... Дорого, дорого! А! Да ну!»,

– Что на ночь, то?– произнес водитель вслух.

– Начальство требует жертв!– ответил эксперт.

Из всей группы лишь Гусев с Егорычем раньше работали по «Темной». А Егорыч, вообще, выезжал сюда еще в первый раз, более двадцати лет назад, когда нашли близ лесной дороги труп охотника Тарабанова. И выезжал, кстати, вот на этом, тогда еще новеньком, 469-ом.

– Что там на этот раз?– спросил он, выискивая глазами ямы на заброшенной рудовозной дороге. Когда-то по ней ходили Белазы. Тогда дорога содержалась надлежаще!

– Собака откопала хозяина,– сказал Гусев.

– Савельева?– удивился Егорыч.

– Савельева пока не откопали,– сказала следователь прокуратуры Галата,– Вечерова брат опознал.

– Пуля в затылок – лицо на вылет!?– интересовался пожилой водитель.

Григорий Вечеров угрюмо вслушивался в разговор, ударяясь на кочках о решетку.

– На месте разберемся,– ответила женщина,– А вы что думаете?– обратилась она к Вечерову.

– Я?!– сорок сантиметров расстояния между глазами следователя и родственника жертвы разделяла решетка,– Да... пока ничего!

– Еще раз извините, что вы там, но сами видите, как с местами. Что вспомните, говорите – не стесняйтесь!

Опера повернули лица к Вечерову разом, типа – «А не твоих ли рук дело»!?

– Вспомню, скажу,– буркнул тот, отвернувшись назад, равнодушно рассматривая выплывающую, из-под временами буксующих колес, давно знакомую, теперь размытую непогодой, навсегда заброшенную рудовозную дорогу.

– Да-а-а! Погодка не подарок!– Матвиенко смотрел на бегущую промокшую лесную полосу,– Мы Темную хоть переедем, Егорыч?– спросил он, имея в виду разлившуюся горную речку.

– Должны! На то она и русская техника!

– Так что с этим «Ананасом», Стас?!– спросил Сергей Матвиенко.

– Ну что... Карабин подарил ему дед. Мешок с травой оставил друг, сказав, что это лекарство. Но в убийстве Анисимов так и не признался. Пасыков говорит: «Он – колите!» Но, отсидев четыре года в тяжелых условиях, вчистую вышел на свободу. В таких обстоятельствах и безвинные начинают оговаривать себя, а этот.... Короче, на обратном пути заедем за этим фруктом. Что, Зоя?!– обратился Гусев к следователю,– Возьмем санкцию на арест?!

– Будут основания, возьмем. Колите! А может это не он?!

Все, молча, тряслись в тесной кабине. Впереди показались грязные буруны разлившейся Темной. Егорыч остановился и вышел из машины, подумав, что за телом «труповозка» прорвется не раньше чем через три дня.

Дождь, то моросью, то ливнем, осыпал долину горы. Бурные потоки глинистой влаги с шумом неслись по месту переезда, торопясь, в дальнейшем, насытить своей мощью воды Тихого океана.

– Поехали!???– как-то неуверенно сказал водитель «уголовки». УАЗ, не торопясь, вклинивался своим коротким носом в урчащий на все тона поток стихии. Все напряженно замолчали, смотря, то вверх, на несущуюся с крутых склонов воду, то вперед – на капот, оценивая глубину погружения.

Каждый в этот момент понял, что зря сегодня поехали!

Чуть ниже по течению подмыло стоящий на берегу кедр, и тот упал, с хлопаньем и протяжным скрежетом, дополняемым шумом дождя и грязного потока, перегородив собой разгневанную речку.

Уазик снесло течением и он застрял в упавшем кедре. Двигатель продолжал работать. По-лицейским пришлось вылезти прямо в речку и, держась за кедр, двигаться к берегу. На месте переезда неожиданно возник Газ – 66.

– Стой! Стой!!!– заорал Гусев, стараясь перекрыть шум речки и ливня.

Но 66-ой с ходу преодолел разгневанный поток и исчез за промокшими деревьями.

Полицейских спасла лебедка. Они выбрались на дорогу, когда уже стемнело.

– Так, что здесь за оборотни обитают?– вновь поинтересовался Матвиенко у Гусева.

– Лет пять назад жена одного «шишкаря» заявила, что ее на Темной изнасиловал черт. Бутов тогда это дело себе взял. Он ее, с явными признаками помешательства, сначала за-крыл в камеру от греха подальше, а утром отвез к психу.... Но и типчик, этот Бурьянов! Сказал, что не совсем здорова, и что ее, все равно к эксперту. Возможно, говорит, что это и было...

– Ну и что?– Уазик наконец-то выскочил на заброшенную грунтовку.

– Может, что и было, да поздно. Лишь на второй день ее, не вменяемую муж в тайге нашел. Она ему, как она сбивчиво объяснила, побоялась сразу сказать. Он ее на утро в больницу. Там ее к «психу» направили. Он ее в угро. Наутро обратно. Эксперт ничего не нашел. Да и чтоб он нашел? Сперму черта!? Короче, положили эту шишкарку в психушку, а через месяц она умерла.

– Отчего?

– Да откуда ж я знаю? Что-то там по-женски.

Следственная группа въехала в ночной городок. Зря они сегодня отправились в тайгу!

Глава 8. Леший – бобыль.

«Леший», носивший фамилию Вачура, в эту осень достраивал со своим помощником, племянником Димкой, огромный по размерам деревянный дом. Строил не спеша, основательно, уже тринадцатый год.

В 1978-ом Вачура демобилизовался из армии, отслужив два года в Казахстане танкистом – механиком. Детство его, можно сказать, прошло в тайге. А когда вернулся в Сихотэ-Алинские субтропики, устроился в лесничество егерем, усиленно посещая секцию бокса. Природа наградила Лешего недюжинной силой и ловкостью. И вскоре, начинающий боксер, не оставил своим соперникам на ринге никаких шансов.

Шурму выдвинули на краевые соревнования, но он их проигнорировал, еще некоторое время, избивая соперников местного уровня.

Избивал и удалялся в таежные глубины на горный, пропитанный запахом кедровой хвои воздух, где пил чай из лимонника и элеутерококка, грыз кедровые орехи. И при всем, при этом, имел выраженную неприязнь к алкоголю и табаку. Охранял участок от браконьеров, бил зверя, копал лекарственные дикоросы.... Ремонтировал по просьбе начальства трактора, лебедки, пилы и другую – самую разнообразную технику.

Вскоре соседи и знакомые со всей округи несли к Геннадию пылесосы, чайники, мотопилы. Звали на починку автомобилей и мотоциклов. Вачура на этом неплохо зарабатывал! Плюс – охота, рыбалка, дикоросы и...уже вначале восьмидесятых... Леший считался состоятельным жителем городка.

А в девяностых уже имел тайник в стене за ковром, с аккуратно сложенной стопочкой «зеленых»!

Небольшие суммы хранил прямо в кухонном столе, поверхность которого была заставлена почерневшими алюминиевыми, фарфоровыми, эмалированными кружками, грязными тарелками, пачками чая, соли, сахара, приправ.

Здесь никогда не хозяйничала женская рука!

Двое его младших братьев уже давно обзавелись семьями и нарожали Вачуре племянников, редко посещающих дядьку.

Братья обращались к нему лишь с целью получения кредита, или с другими просьбами о помощи. Однажды не вернули очередной долг, и старший прервал с младшими всякие отношения. Лишь двоюродный племянник Дмитрий был постоянно при Вачуре и являлся, то ли его» правой рукой», то ли «ногой»!?

Леший в перестройку уже имел личный 66-ой, мотоцикл УРАЛ, пятизарядный карабин, множество рыбацких, дефицитных снастей. Долгий срок в его егерской компетенции находился участок на Темной, вдоль стекающей с горы одноименной речушки.

Городок Кавалерово – таежный!

Здесь каждый третий житель – охотник или рыбак!

Заняв егерскую должность, Гена вскоре подружился с районным прокурором, многими милиционерами.

Сразу после армии построил теплицу для выращивания женьшеня.

Культурный корень начал давать семена, кои и рассаживал егер в долине самой высокой горы района. Дикий корень, лишь он один, имеет финансовую ценность. «Культурный» считают «белой морковкой». Хотя, сам Леший имел другое мнение!

Лет через десять у него росли в таежных глубинах, вокруг, и на горе, серьезные плантации «настоящего» дикого женьшеня, именуемые таежниками «огородиками».

Женщин Вачура чурался, жил с самого рождения бобылем в небольшой избушке, рядом с недостроенным домищем, на окраине поселка Лудье.

Никогда не имел водительского удостоверения, выезжая на своих транспортных средствах, в основном, в лес.

Шурму в поселке знали и уважали. А по городку, чаще всего, его возил единственный друг – надзиратель небольшой Североприморской тюрьмы, с интересной фамилией – Советский!

Хотя (!) – какой гаишник остановит «Лешего»!???

Глава 9. «Ананас» приходит к Лешему....

– Здоров, Ген!– во дворе появился Димка.

– Здоров, здоров!– недовольно пробурчал Вачура, неся на плече шестиведерный мешок картошки.

Дождь закончился в начале ночи, и над Лудье светило яркое, золотистое, утреннее солнце. Леший, не останавливаясь, прошел мимо двоюродного племянника и высыпал картофель на, расстеленный рядом с ГАЗ-ом 66-м, брезентовый тент.

– Ген, извини, не мог вчера придти! Пацаны с города приехали, просили озеро с карасями показать..., да там до вечера и прогасились!

– В такой дождь, караси?!– зыркнул на него Леший.

– Да я им просто показал где! В машине на берегу и присидели,– Димка переступал с ноги на ногу, чувствуя вину.

– Что, не мог заехать, сказать? На машине же был!– Вачура посмотрел на чистое от туч, ясное, голубое сентябрьское небо со слепящим, восходящем над синеватыми горами солнцем.

– Да я, думал, быстро!– племянник теребил кончик носа и опустил зад своего двадцати-двухлетнего тела на ступеньку крыльца.

В армию Диму не взяли – забраковали по болезни! Леший говорил хорошим знакомым: «Сын алкоголика – дурак! Вот и не взяли!»

– Что, батя все пьет?– Леший поднялся на крыльцо и вошел в дом. Димка поплелся следом.

– Нет! Деньги закончились. Лежит, стонет... Мать молоком его отпаивает...

Мать – это двоюродная сестра Лешего, всю жизнь проработавшая оператором «стволовой очистки руды» на горно-обогажительной фабрике.

– Лопатку саперную принес?– Вачура разлил по кружкам чай из свежих ягод элеутерококка.

– Нет, Ген. Вечером принесу!

– Дурак!– беззлобно прокомментировал Леший и вышел с парящей кружкой чая на крыльцо. Еще раз взгляделся в бездонную голубизну сентябрьского неба.

– Ген, мы же только в пятницу выдвигаемся!– пробубнил дующий на горячий напиток племянник.

– В пятницу, в пятницу...,– заворчал дядька – высокий, черноволосый, напоминающий крупного индейца из фильмов прошлого века.

Прошедшими летними вечерами Леший собирал в своем просторном дворе знакомую молодежь и обучал боксу.

И еще недавно забитый, нерешительный паренек, после десятка занятий у Вачуры, превращался в «крылатого орла», гордо шествующего по центральной улице, вслед которому обращались, раньше не обращающие на него внимание, девчонки. Центральная улица брала свое начало от горно-обогажительной фабрики, давно заброшенной, и тянулась вверх, в направлении кладбища, на три километра. Фабрика смотрела черными дырами оконных проемов на заволоченные в погожие дни синеватой дымкой хребты гор. На красном, подымающемся ступеньками на сопку, облупившемся, кирпичном строении, успели вырасти березки и тополя. Словно напоминание об эффекте взрыва нейтронной бомбы. Расположенное выше по дороге кладбище, на крутом склоне лысой сопки, сильно пополнилось покойниками, потерявшими работу и надежду, спившимися мужиками, и молодежью, погибшей от наркотиков. Население кормилось, в основном, за счет тайги, где была большая конкуренция по сбору и реализации ее даров, а заработок являлся сезонным. Орехи, грибы, ягоды, дичь, лекарственные дикоросы, рыба, красная и простая, деловая древесина; в горах не застаивались, не залеживалась, не заси-

живалось.... И поэтому лес близ Кавалерово стремительно пустел, а добытки, все дальше и дальше, уходили вглубь.

– Давай, дуй сейчас за лопаткой, а не в пятницу...!

– Вчера караси, пацаны... Пацанам показывал, рассказывал!– оправдывался Димка.

– И что ты им рассказал?!– Леший прожег племянника огнем своих темных очей.

Мурашки пробежали по Димкиной спине,– Сболтнул чего?

– Да ну, упаси!– парень подковырнул мизинцем зуб. Вачура рассмеялся:

– Век воли не видать?

– Да ну, Ген. Ни кому, ни чего!!!

– Сам знаешь, для чего нам лопата?!– искоса глянул на парнишку старый промысловик.

– Да знаю, все нормально!– Дима, щурясь, посмотрел на безоблачную голубизну сентябрьского небосвода. В высохшей под лучами, еще по-летнему жаркого солнца, траве трещали цикады, цвыркали различные жуки, лениво жужжали мухи. Леший, то же задрал голову, сказал:

– Хорошо, теперь выкопаю картошку на верхнем огороде! Погода надолго.... До выхода на Темную точно простоит!

Немного не по плану пошла неделя у Вачуры из-за пришедшего из Китая тайфуна. Лешим его в глаза называть не решались. Бывшего егеря опасались – уж больно много различных, в том числе мистических, слухов ходило о таинственном, живущем на отшибе бобыле!

Димка отправился в поселок за саперной лопаткой. Леший поднялся по крутому склону на расположенный в зарослях на сопке огород, чтобы сносить отдута на широком плече мешки с картошкой, и ссыпать крупные, грязные корнеплоды на расстеленный, в заставленном техникой дворе, тент. Не успел высыпать содержимое первого мешка, как за спиной скрипнула калитка. Вернулся племянник:

– Ген, к тебе Анисим идет!

– Ну, идет, да идет... Ты то, что вернулся?

– Да я сказать...

– Иди за лопаткой!– пробурчал Вачура и тихо сплюнул.– Тьфу, балбес!

– Ну ладно, я тогда пошел,– обреченно сказал Димка, встретившись у калитки с Анисимовым.

– Иди, иди!– отрезал Вачура, пожав по-приятельски руку старому, как и он сам, таежнику «Анисиму», по тюрьме проходившему под кличкой «Ананас».

Остроносый, худой, с бледной сальной кожей, Анисим выглядел усталым и озлобленным. При своем высоком росте мученчески горбился, потирая вытянутой ладонью грязные, взъерошенные волосы.

– Геннадий!– обратился он к Вачуре, поднявшись с ним в тень, на крыльцо недостроенного большого дома. Леший со скрипом открыл в этом доме дверь. Скрежет эхом прополз по пустующим, неоштукатуренным комнатам, в отделке которых хозяин затормозился на долгие годы.

Ровно тринадцать лет минуло со дня закладки фундамента.

Для кого строил этот простор никогда не стремившийся к роскоши и большой семье Ле-ший?! Ему, да Богу было известно.... А может дьяволу!!? Но одному, явно жутко будет идти вечером из комнаты в комнату по скрипящим свежим половицам,– Ты шишки принимать начал?

– Да нет!– ответил тот, оперевшись локтями о свежеструганные перила высокого крыльца.

– А будешь?– Анисимов, в такой же позе, встал рядом.

– Я же не на свои деньги в прошлом сезоне принимал. Осень-зиму на китайцев горбатился. Они деньгами снабдили. Вот жду.... Приедут – буду принимать.

– Да только с камеры выпустили,– пожаловался гость, приятельствующий с Геннадием с детских лет. Жили друг от друга неподалеку. Да и сейчас живут. «А чего?»– взглядом спросил Леший. Он никогда ни к кому не обращался по имени. Или «ты», или ничего. Индейские, сверкающие энергией, черные очи, казалось, насквозь пронизывают душу собеседника. Хотя в глаза людям Вачура смотрел редко. Но этого хватало и многим, при этом, становилось не по себе. Соседи часто заглядывали к Лешему, то за шурупом, то за советом. А кедровые орехи и другие дикоросы таинственный бобыль скупал, чуть ли не у всего населения десяти тысячного горняцкого поселка. Но так, не с кем и не завязал дружбы, кроме одного человека – милиционера Виталия Советского.

– Деньги на адвоката нужны,– кисло улыбнулся Анисимов,– А то, «расстрельную» точно в этот раз подведут!

– А расстрельной сейчас нет. Мораторий!– ласково успокоил приятель детских лет с черной иронией в голосе.

– Ни за хрен всю жизнь парится на нарах!– выдохнул Анисим,– Устал, Ген!!!

– Чего случилось, то, у тебя?– Леший внимательно посмотрел на суетящиеся руки Анисимова и пригласил на другое крыльцо стоящей выше на склоне маленькой жилой избушки испить чая. Избушку эту он поставил тринадцать лет назад, как временную. Благодаря высокому положению, из окна ее просматривалась трасса и значительная часть окраины Лудье(Фабричного). Виделось отсюда и подворье Анисимова. Непосредственный сосед отгородился от Лешего высоким, сплошным забором. Соорудил он его после одного случая: Лет десять назад, майским теплым вечером Леший и заглянул в гости к этому самому, отгородившемуся в дальнейшем Антипову. Зашел взять газету со статьей о деноминации рубля. Цвела черемуха, аромат онной вкупе с запахом всего, пробудившегося к жизни разнообразия цветов, кустов и трав, насыщал собой прогревающуюся с каждым днем вечернюю атмосферу, сквозь толщу которой к людям пробивались тонкие лучики появляющихся далеких звезд. Крупный, даже для кавказца, пес дернулся в сторону входящего в калитку Геннадия, но, не успев рыкнуть, стопорнулся и, как-то обмякнув, повернулся к миске с только что принесенным ужином, сонно захлопал огромной пастью, равнодушно пропустив к входной двери Лешего. Вышел хозяин. Вачура, взяв газету, посозерцал некоторое время животное.

– У тебя собака сегодня сдохнет!– уверенно произнес Леший.

Сосед натужно рассмеялся. Он был из тех, кто в былые времена, обращался к Вачуре, не комплексуя,– «Леший».

– Да брось ты, Леший! Кабелю три года. Здоров, как Ирландский мерин!– Антипов не верил ни в Бога, ни в черта!– Ты что, моего Беркута втихушку дичью подкармливаешь?– строго спросил он.

– Да, нет. А что?

– Беркут тещу близко к калитке не подпускает. А недавно Гришку-соседа чуть не порвал на его территории..., а тебя?!

– Делать мне нечего, своих кормить нечем! Сдохнет твой Беркут сегодня!

– Вачура, не гони!– соседи распрошались.

Часа в три ночи Антипова разбудил собачий вой и громкий звон толстой стальной цепи. Мужик выскочил на крыльцо и увидел, как светло-серый кавказец, разогнавшись, хрипло дернувшись шеей, вырвал длинную цепь из столба у будки. Звонко волоча ее за собой, огромными прыжками преодолел освещенный полной луной огород, пробил грудью забор из свежего штакетника, и бросился под фары редкого для трех часов ночи автомобиля. Глухой удар, визг тормозов и животного – услышал изумленный Антипов. И тишина. Антипов, застыв, стоял посередь огорода. Водитель вышел, глянул на лежащего в придорожной канаве, дергающегося в предсмертных судорогах пса и, подергав помятый бампер, медленно уехал. На следующее утро хозяин похоронил друга-сторожа на склоне, вбив, по совету жены, деревянный крест в темный

холмик. Лешим Вачуру больше не называл. При встречах быстро проходил мимо, отвернув взгляд, кивал головой. Вачура, улыбаясь глазами, кивал в ответ, произнося: «Гм...м»!

Анисимов рассказал, как ночью в дом ворвались промокшие опера с какой-то теткой. Перевернули все в столах, шкафах, погребе. Ничего не нашли, но его забрали в отдел, где забросили в камеру к сумасшедшему, агрессивному амбалу, каждый час, выдергивая на допрос.

Леший взглянул на сопку. В лучах солнца на ней алел пушистый клен. Чуть выше, густой, темной хвоей, выделялись верхушки двух кедров на фоне желто-коричневого ковра из уже мертвой, но еще цепко держащейся за ветки, засыпающих на зиму деревьев, листвы.

– Не надо было бегать тогда и продавать Силинский мотоцикл!– сказал Вачура.

– Так Силин тогда пропал, я и...

– А ты откуда узнал, что он пропал?– Гена хлебнул из почерневшей алюминиевой кружки чуть приостывший чай. Выпущенный из камеры сделал то же. Темно-синие ягоды элеутерокка, заваренные кипящей колодезной водой, крепко бодрили.

– Так он меня сам перед тем просил продать этот УРАЛ.

– Нет у меня денег!– Леший нахмурился,– Все родственнику месяц назад занял... Да так и с концами! А когда труп Вечерова нашли, говоришь – вчера?

– Менты сказали, что вчера утром. Вроде бы как, брат Вечерова поехал на Темную спастись от дождя спрятанные там орехи, да собака и отрыла бывшего хозяина,– Саша Анисимов задумался,– Нашел Славу верный пес!– как-то ностальгически медленно промолвил он. Они с Вячеславом Вечеровым были близкими друзьями. Даже бегали к одной и той же одинокой женщине.

– Оно так и было. Его брат от соседа моего ментам звонил... Я его видел.

– Что, что рассказывал?– глаза Анисимова возбужденно сверкнули.

– Что, что рассказывал,– в упор посмотрел на него боксер-тяжеловес,– Ты убил, говорит!

Степан Анисимов улыбнулся, сделав крупный глоток из такой же, как у Шурмы, почерневшей алюминиевой кружки.

– Тут и так хреново, хоть самому стреляйся, а ты, Ген, со своим черным юмором!

– Некогда мне, зайди потом! Картошку с огорода спускаю. А денег сейчас нету!– Вачура направился к калитке. Анисимов поставил кружку с недопитым чаем на периллу крыльца и поспешил следом.

– Меня ж посадить могут!

– Если б садили, то б сидел!– Геннадий Вачура подошел к тропинке у гаража, круто подымающейся вверх, к огороду. На этом огороде Леший выращивал по совету Отшельника экологически чистые овощи и картошку, не применяя синтетических удобрений. Как ни странно, здесь каждый год вызревал умеренный урожай средних по величине плодов, вне зависимости от погодных условий. Бывало редко, выдастся на полях и подворьях района небывалый урожай картофеля, а у Шурмы на верхнем огороде все такой же. За то, в засуху или дожди, нет урожая у других, а у Лешего все такой же – не плохой!– Да то же и говорил,– остановился Леший,– Собака нашла. По одежде, по ремню, ботинкам и зубам узнал. Да и старый пес не мог ошибиться. Он эту лайку всегда в тайгу брал, а в тот раз она под колеса попала. Лапу повредила. Лапа зажила, он долго еще хозяина искал. С утра в тайгу убегал, ночью возвращался. Потом брат Гришка его к себе забрал, пес и успокоился. Но хозяина все-таки нашел, молодец! А денег у меня пока нет, – И Вачура медленно пошел на подъем по уходящей в чащу деревьев тропинке. Анисимов почесал затылок и, развернувшись, быстрым решительным шагом двинулся куда-то.

Глава 10. Суздальцев мчится в Кавалерово.

В сентябре в этих краях еще очень тепло, а днем даже жарко. На протяжении всего пути от Владивостока до Кавалерово стояла солнечная, безветренная погода. «Ниссан-Цедрик» на скорости 100 км: ч ровно урчал своим почти трехлитровым дизелем.

Въезжая в населенные пункты, Егор Суздальцев сбрасывал скорость до семидесяти, опасаясь засад дотошных районных гаишников. Но как только впереди появлялась продолговатая белая, перечеркнутая красным, табличка, «Цедрик», тут же, набирал прежнюю скорость. Егор после двух угробленных в ДТП автомобилей перестал ездить больше ста. Хорошо, что тогда сам и пассажиры остались целы и невредимы!

– На солнце произойдут вспышки. Возможно, выйдут из строя компьютеры, мобильные телефоны, многие космические спутники, – передавали новости по радио Леммо FM, – По прогнозам ученых это произойдет 22 сентября....

– Задолбали с этим Концом Света! – вслух сказал Егор и выключил радио.

Шел по жирному черному асфальту расслабленно, наслаждаясь видом меняющейся вглубь края золотой осенней природой. Включился кондиционер, как только солнце прогрело салон до 25-ти градусов. Егор опустил водительское стекло и в лицо дунул утренний сентябрьский прохладный воздух. Кондиционер замолчал. Вчера он позвонил Кихкакину и узнал, что тот собирается в тайгу. Горы и высота с детства притягивали Суздальцева. Он да же собирался поступать в «Актюбинское летное», но судьба распорядилась иначе. Тем более, давно не видел друга детства, не был в тайге, да и сидел один дома, потеряв недавно работу. Супруга уехала в отпуск к родителям в Москву. И представившуюся возможность посетить горы Егор пропустить не мог. Стрелка в датчике топлива опустилась ниже середины, но до Кавалерово оставалось каких-то 200-ти км. Дорога спустилась с перевалов, называемых в шоферской среде «Карпатами» к самой большой реке Сихотэ-Алиня – «Уссури».

Перед поворотом на Булыго-Фадеево расположено придорожное кафе «Медведь», в котором пахнет немытой посудой, вареными пельменями и дешевым табаком. Егор года три назад заходил сюда. Этого хватило, чтобы забыть в эту забегаловку дорогу. Но Суздальцев остановился рядом для посещения уборной во дворе, возвращаясь из которой увидел возле своего Цедрика высокую блондинку. Короткая кожаная юбка едва прикрывала оттопыренный «яблоком» зад, из которого к земле тянулись объемные вверху, обтянутые блестящими темносиними колготками, длинные ноги на высоких каблуках в белых туфельках, благодаря которым, и без того высокая девушка, стала на голову выше подошедшего, среднего роста Егора.

– Здравствуйте! – в круглом маленьком ротике белоснежно сверкнули аккуратные зубки.

– Здравствуйте! – улыбнулся уголком рта Егор.

– Это ваша машина?

– А что? Купить хотите? – Суздальцев открыл чудом сохранившимся, еще заводским ключом дверь.

– Пусть для меня это сделает будущий муж! – собрала внизу живота ладони странница, изогнув при этом вальжно ногу. Егор вставил ключ в замок зажигания, не закрывая при этом дверь.

– Так ты у нас невеста? – усмехнулся он.

– Нет. Я еще не познакомилась со своим мужем!

– Куда тебе? – заглянув в прозрачно-голубые глаза девицы, спросил Суздальцев.

– Ты не в Кавалерово? – спросила длинноногая странница.

– Нет. К сожаленью, ближе! – соврал Егор.

– А мне, к счастью, тоже! – верх ног приблизился к самому лицу водителя.

– Это куда?

– Куда довезешь!

Золотая фикса, сверкающая меж ярко-Розовых губок, крокодиловый пиджак на прямых плечиках, чуть выглядывающая из-под юбки, нижняя часть аппетитных «яблок», выступающие на фоне тонкой серой кофты, торчащие соски... – все это соблазняло!

Сколько за тридцать шесть лет своей бурной жизни он встречал таких блондинок, страстных брюнеток, огненорыжих стерв?! С разными характерами, щелочками, но с одной целью – извлечь для себя максимальную пользу и удовольствие от встреч с мужчиной. А вот его Иринка – другая, единственная и родная, из чьей щелочки через шесть месяцев на свет появится их совместный человечек. И она бы сильно огорчилась, узнав, что Егор подвозил в их автомобиле шлюху.

– Извини, лови следующее такси! – и Суздальцев захлопнул дверцу. Страница разочарованно посмотрела вслед набирающему скорость Цедрику. Скоро стрелка спидометра подошла к цифре 100.

Он познакомился с Кихкакиным еще на последнем курсе «политехнического». Они вместе посещали поэтический клуб «Белый шар», вместе пили пиво на Набережной. Егор попал потом по распределению в Новосибирск, на авиационный завод, где изготовлялось ноу-хау Советского Союза МИГ- 25, 27, 29-тый. Там он и женился на медсестре заводской поликлиники. Жили, вроде, не тушили! Но сибирская равнинная местность, как и двигающаяся с кухни в зал фигура жены, постепенно перестала радовать глаз. Сердце рвалось домой, в горное Приморье. Толкнувшие на бракосочетание чувства стали остывать. Даже рождение сына в январскую стужу не воскресило былого. Начали жить, как-то, каждый сам по себе. Лишь подрастающий Влад еще вызывал общие интересы. Так и прошло четыре года совместной жизни. Трудно стало в быту – и без того скудную зарплату у Егора задерживали на три-четыре месяца. Помогали Катины родители – занимали на продукты с пенсии, делились картошкой, овощами, ягодой, выращенной на даче.

При очередной полугодовой задержки зарплаты Егор собрал «манатки», оставил доверенность на ее получение Кате, выскреб на билет из заначки все деньги, и сбежал, от жены с сыном, во Владивосток. Думал – ненадолго, оказалось – навсегда! Получалось -предательство семьи! Суздальцев мучился на берегу Тихого океана, размеренно зарабатывая деньги на возвращение в «Новосиб», но через полгода узнал, что супруга сошлась с коммерсантом, и все трое стали сыты и счастливы. Он стал там не кому не нужен, да и ему бы – взглянуть разок на Владика... и все!

Кихкакин развелся примерно в это же время. И встретились опять два одиночества, случайно, прогуливаясь по Набережной. А через месяц Кихкакин, по приглашению РОНО, уехал в Кавалерово учить подростков химии. Егор, здесь же, на Набережной, этим же осенним вечером, познакомился с Ириной, студенткой пятого курса института «Экономики и Сервиса». Вскоре неплохо устроился на металлоприемный пункт, и стал почти главным начальником, вторым, после своего однокурсника, Сергея Крапивенцева, и пригласившего его к себе на работу. Жили у Ирины в гостинке. И вот, через семь лет, Суздальцев, следуя в гости к Кихкакину, счастливый, ожидает рождение ребенка. Хотелось бы сына, но кто будет – тот будет! Совершил ли он предательство по отношению к Владу и Кате – думал в очередной раз Егор. Да, совершил, проявив слабость! Но от этого всем лишь стало лучше. Бывшая жена, да и сын вспоминались все реже и реже. Длинный капот Цедрика равномерно глотал жирную ленту асфальта. Сразу за заправкой показались еще две скромно отодвинувшие ладонь в сторону девицы, броско одетые, в коротких юбках, с потухшими от водки и наркотиков глазами, изможденными лицами, просящими удовольствий и денег. Хотя времена наступили не сложные: имеющий деньги – удовольствие купить! «Везет же мне на них сегодня!» – подумал Суздальцев: «Ирина, с зародившейся в ее теле новой жизнью – единственное родное на этой планете существо и ее надо держать в своем Сердце чистой и непорочной, верней, свое Сердце нужно

держат для нее чистым!» Суздальцев, не снижая скорости, промчался мимо. Крутые серпантины закончились, и трасса теперь пролегала вдоль долины реки Павловка, с небольшими подъемами и спусками, иногда стрелой уходила за горизонт. Радио зашипело – оно оказалось вне зоны действия радиостанций. Далеко от города удалился Егор! Справа, на высокой скале, стоял огромный, деревянный крест «Спасителя». «Как удалось поднять его по этим отвесным скалам!?» – подумал Суздальцев. Крест, словно напоминал проезжающим внизу путникам, что «не хлебом единым жив человек!».

До Кихкакина осталось 80 км. И уже через час, они за философскими беседами, с рюмками коньку в руках, коротали вечер, обратив внимание на идущих «с подачи» наркоманов – Каменцева и Радова.

Глава 11. Елена – восходящая звезда дискотек!

После сегодняшней подготовки к подъему на Темную, Лена зашла домой. Вчера Андрей Вячеславович дал добро на поход. Родители остались с ночевкой на даче. Братишки, коего ей хотелось с малых лет, у нее не было. Не было и сестренки. Скучно, вот так, одной, в трехкомнатной квартире. Шедший долгие три дня дождь ночью закончился. И с утра, весь день, светило золотистое теплое солнце. Лена выглянула в окно. Заходящие лучи серебряными стрелами отражались от стальной телевизки, расположенной на вершине ярко-желто-красно-зеленой горы. Где-то, недалеко за ней, находится двухвершинная гора Темная, высотой около двух километров. Подружки, Настя и Юлия, берут с собой своих парней – Сергея и Павла. А к кому прижмется она, сидя у потрескивающего костра, вслушиваясь в гуканье спрятавшегося в ночной тьме филина. Неужели этим человеком будет Андрей Вячеславович?! Это шанс!? Она перешла из зала на кухню, включила чайник и сквозь занавеску еще раз поймала глазами прячущееся за горы солнце, думая о предстоящем и прошедшем. Она уже полтора года неравнодушна к учителю химии. С того самого морозного утра, когда опоздав на урок, при свете, еще включенных по случаю позднего январского рассвета плафонов, вместо привычной, пассивной к окружающему миру учительницы, увидела его – высокого, худощавого, в сером, с длинными рукавами пиджаке. Сквозь очки на нее посмотрели светло-голубые, внимательные глаза, как-то сразу принявшие участие в ее жизни. А когда через неделю он подменил ушедшего на больничный учителя химии, и случайно, при игре в баскетбол плотно шаркнулся передом о верхнюю часть ее высоких ног... Лене стало стыдно – щеки залил румянец! Все, казалось, заметили это, хотя игра шла своим чередом. Лена скрывала свои эмоции по отношению к учителю даже от подруг. По химии стала получать вместо хилых троек твердые четверки. Мечтала зимними ночами об отношениях, укутавши энергичное, молодое тело в ватное одеяло, покрытое хрустящим пододеяльником.

Испив чая, Лена включила телевизор и забралась в прохладную, с пахнущими простыня-ми, постель.

Вскоре – звезды молчаливо замигали сквозь недавно поставленное пластиковое окно.

Редкие автомобили проезжали под домом. Бессонные летние ночи, когда люди, с ночи до утра колесили туда-сюда по городку, остались в прошлом.

Не спалось.

Еще весной, когда по обочинам свежесфальтированных дорог цвела черемуха, Елена, на-слаждаясь ароматом проснувшейся кругом жизни, чувствуя наступление нового годовичного цикла, мечтала о своем, о личном. Мракобесие в Уганде, и голодающий народ Зимбамбе, мало затрагивали душу юной девицы! Ждала единственного и навечно, того, чье сердце вольется в ее сердце и будут радостно молотить они в унисон до самой смерти! Пусть это будет не принц на белом коне, но тот неповторимый, без которого ноет внутри в вечернем майском воздухе, без которого дальнейшее существование теряет всякий смысл. Пусть это будет хоть будущий взяточник, хоть пакистанский шпион, хоть бандит или правильный патриот – из отцовской комсомольской юности! Хоть кто, лишь бы это был – Он!

Она ждала. И вот – нетипично холодной для Юго-востока Сихотэ-Алиня зимой – в классе появился новый учитель и почти сразу же стал – «Им»! Но наступило беззаботное лето, и она поехала на море, где во влажной августовской ночи, под яркими звездами в бездонном небе, на желтом пляжном песке и получила свой первый сексуальный опыт с малознакомым парнем из Хабаровска.

Соленые волны чистой океанской водой наплывали на ее молодое, чувствительное тело, вызывая прилив мурашек от затылка до пяток. Купальный сезон здесь только начинался. Тихий океан, или одна из его частей – Японское море на восточном побережье Приморья едва про-

грелось. Вода была бодряще-прохладной даже в этот, не щадящий кожу июльский 37-градусный зной. Далеко-далеко, почти за полоской горизонта медленно двигались поблескивающие черточки лайнеров, сухогрузов, лесовозов. Стемнело. По еще теплому желтому песку передвигалась пара мужчин. В руках у одного был таз и шахтерский фонарь, луч которого сосредоточенно рыскал по каемке лениво наплывающих на берег волн. Другой парень нагибался и быстро хватал из воды, прибывшую к песку на икромет, блестящую от выползшей луны, рыбку и забрасывал в пластмассовый таз.

– Ух ты!!!– удивилась рядом проходившая девушка,– Прямо вот так, на берегу?!

– Да!– парни остановились. Луч фонарика уставился в Ленины шоколадные от загара ноги,– Это иваси. Раз в году она вот так мечет икру. Вон, видите?!– указал рослый брюнет на сверкающую серебром селедку, нагнулся и выбросил слабо трепещущуюся рыбку на берег и предложил,– Пойдемте с нами!?

Лена согласилась. Наловили иваси, а там ночь у костра с достаточным количеством красного вина... – и удалились вдвоем в палатку!

Ни первый эротический опыт, ни этот парень, не оставили в ее сердце сколько-нибудь заметного следа.

К осени парень прислал ей письмо по электронной почте. Она ответила. Так продолжалось с месяц, пока не затухло окончательно.

Глава 12. За рюмкой коньяку.

– Каждая наша мысль влияет не только на собственную душу, на свой организм, но и на все мироздание в целом, – сказал Кихкакин приехавшему погостить, из когда-то родного Владивостока, товарищу.

– Как? Ты хочешь сказать, что наши мысли толкают нас к действиям..., а эти действия и изменяют мир? – поинтересовался гость, разливая привезенный из города коньяк.

– Не только так, – Кихкакин поднял рюмку, – Но и сразу, непосредственно!

Товарищи выпили без тоста, закусив крепкий напиток дольками, выращенных в «Первозданной» яблок.

– Ты хочешь сказать, что наши мысли излучают какую-то энергию, преобразующую атомы материи?

– Именно! – Кихкакин поправил съехавшие на нос очки, – Они не излучают, они сами есть энергия! И влияют не только на материю, но и на взаимодействие различных форм и частей материи.

– Алхимия жила, алхимия живет, алхимия будет жить! – собеседник наполнил доставшиеся Кихкакину по наследству мелкие хрустальные рюмки, – И это так?

– Тебе нужны доказательства?

– Не помешали бы!

– Доказательства есть! Только косвенные, но вполне достаточные для людей зрячих.

– Это типа, у кого чакры открыты?! – улыбнулся Егор Суздальцев.

– Примерно. Типа того. Как там участники «Белого шара»? Как там «Лужа», ничего про него не слышно?

– Ты про Калюжного? Не поверишь, но им недавно подполковник ФСБ интересовался. Всех наших отыскали и всех подробно допросили по его поводу! А тебя?!

– Да нет! – удивился Кихкакин, – А что спрашивали?

– Да буквально все. Как ест, когда спать ложится... Он давно с горизонта исчез, еще в на-чале века... Ты же с ним наиболее близок тогда был. К тебе, что, не приезжали!?

– Да нет! – не мигая, ответил Андрей Вячеславович.

– Да понятно, я тоже обещал молчать!

– Да брось ты, я бы сказал! – слабо усмехнулся учитель химии.

Коротая за философскими беседами вечер, давние друзья вышли на балкон покурить. Перед ними находилась площадь автовокзала, по которой шли двое. Блеск их возбужденных глаз пробивался сквозь пелену дождя.

– Смотри, какие изможденные лица! – заметил Егор.

– Да это торчки с точки возвращаются, – прокомментировал Андрей, – Давай еще по-маленькой?! И..., сходим в магазин...

По возвращению из магазина друзья беседовали до глубокой ночи.

– ****а?

– Именно. Это не что-то постыдное, а шедевр! Сотворение природы..., и самое желанное! – Кихкакин выключил беспредметно говоривший телевизор.

– Желанное для самца. Инстинкт!

– Пушкин тоже самец? Как ее описывал!

– Пушкин?! Конечно, самец! А описывал ли?

– Я читал.

– Это он писал? – Егор еще раз наполнил рюмки.

– Не знаю. Говорят он! Но, прочитав, нормативного Пушкина..., будучи знаком с его био-графией, сделал вывод – он мог это написать!

– ****а?! Она ж вонючая! И во многих ****ах живет куча болезней!

– От этого она не становится менее привлекательной! Зачем мы упорно сдерживаемся и не говорим правду?

– ****а правит миром?

– Именно. Миром правит инстинкт!

– Если было так – мир бы не развился! Когда в морали наступает бардак, то бардак перетекает на все другие области – науку, искусство... Человек в своих тайных мыслях может являться конченым извращенцем и... даже преступником, но(?)...

– Но – так и не реализует, не воплотит в жизнь глубинные свои мечты?! Ты про это?

– Для того и дан божественный разум человеку, что бы он ограничивал..., останавливал рвущиеся из дьявольского подсознания мысли..., – Суздальцев достал мобильник и сориентировался во времени.

– Из дьявольского ли? Может, просто время от времени просыпающихся инстинктов, именно благодаря которым человек и дожил до этих времен?! Если б ****а фанатично не манила своим видом недавно заразумевших самцов, если бы сексуальное желание не преобладало над ленью или страхом..., если бы самец не искал соития, пробиваясь к п****е сквозь засады зверья, не взирая на голод, покинув пещерные, согретые костром своды, то навряд бы мы с тобой сейчас говорили на эту тему..., – Кихакин зачем-то одел очки, но, тут же положил их на место – на журнальный, с давно потрескавшимся лаком, столик.

– Возможно! Но сколько собеседников отсутствуют в данный момент из-за того, что их предки в поисках соития были съедены хищниками, замерзли в снегу и умерли от голода? Сколько из тупого влечения прервали свой род? Здесь должен быть баланс с незначительным превосходством разума! Влечение заставляло спариваться и, как побочный продукт, появлялось потомство. Страсть была заложена в нас именно для продления жизни, а не для удовольствия..., – Егор выглянул в окно – Площадь была безлюдна.

– Как и еда, жажда, чувство холода...

– Но раз сейчас человек контролирует деторождаемость при помощи химии, хирургии и другими способами, получая лишь наслаждение от секса, то не приведет ли это в конечном итоге к деградации этого влечения?! И в будущем пары будут трахаться «через нехочу», только когда у них появиться желание вырастить потомство?!

– Оно так и должно быть! Это собака удовлетворяет похоть, не задумываясь, что благодаря этому оставляет свой след на земле в виде потомства. Для человека такой необходимости давно нет – он знает откуда берутся дети! И именно, так называемая, дьявольская мотивация заставляет нас е****ь все, что шевелится, жрать до полного ожирения, греться и греться у печки, в сауне и лучах славы, – Андрей встал и задвинул шторой окно.

– Именно поэтому руководители СССР заявляли, что в стране секса уже нет. Коммунисты умели заглянуть в будущее!

– Да!!! И был дефицит жратвы, что бы уже не обжирались, дефицит одежды, чтобы не перегрелись..., – Суздальцев еще раз взглянул на время, забыв, сколько было недавно.

– И, как только решили превратить в дефицит популярный наркотик – алкоголь, страна развалилась! Если место в душе человеческой не заполняется жаждой славы, денег, утех..., то туда проникают наркотики, самым популярным среди которых пока является этиловый спирт. Ни одна страсть так не приближает человечество к вырождению, как пристрастие к наркотикам! Как к легализованным, так и к подпольным, которые с каждым годом становятся доступней и доступней.

– А Голландия?

– Там общество, все-таки высокозаконопослушное.... Там нет криминальных авторитетов, типа Япончика, деда Хасана, Вини Пукха. У нас эти «Виник-Пухки» проникли во все ветви власти. И это является главной и, можно сказать единственной причиной деморализа-

ции общества. Порядочные и законопослушные, также попавшие во все ветви власти, на глазах у не вошедших в госструктуры, легко, без осадка, смешиваются с дерьмом и..., как будто, так и надо. Тем самым они смешивают, превращают в дерьмо все общество. Если потенциальные жулики и психопаты считают такое явление нормальным, то тем, кто способен к созиданию, становится не по себе, и им уже далеко не до творческого созидания.... Им бы съебать отсюда подальше! Они видят президента, радостно жмущего руку губернатору-убийце, и им становится страшно жить в этом ГУЛАГЕ. Это ни тогда, при Сталине, был ГУЛАГ. Истинный ГУЛАГ вот он – мы оказались в НЕМ!– глаза учителя химии недобро загорелись.

– Убери таких губернаторов – станет еще хуже! При них реальная управляемость, которая может превратиться в хаос при их уходе!

– Да! Сначала будет так, какое-то время.... На то и нужна политическая воля! Тяжело, но необходимо! И любые социальные, экономические реформы примут форму топтания на месте с огромным, бессмысленным расходом общественных денег. Понятно, что трудно будет жить в этом напряжении постоянного боя, но без этого боя с криминалом внутри всех госучреждений не переделать общественное сознание! И лишь оно одно способно возродить Россию!

– Отделить семена от плевел?– Егор положил в рот маленькую «охотничью» колбаску.

– Именно. Жестко и конкретно!

– Но многие исправились. Встали на путь праведный, так сказать...,– колбаска оказалась вкусной и ему потребовалась еще одна.

– Достигли своего и разумно легализовались. Суть их от этого не изменилась! Затаились, как кроты, и потихоньку, соблюдая конспирацию, откусывают там, здесь..., при этом, не позволяя это делать чужим. Подойдут свои, те, кому они когда-то перекидывали чай и химку через колючку, те, кого они из-за корефанских отношений, отмазали, благодаря своему влиянию и связям от тюрьмы.... Подойдут и потребуют, и они им дадут из казны.... Не свое – из казны! Эти главы субъектов публично не покаются и демонстративно не отстранились от явных уголовников, а значит, живут по понятиям! Возможность исправления начинается с публичного, на всю страну покаяния! Другого способа в природе не существует! Без этого получится затаение, а не изменение сознания бывших убийц и воров!

– А кто же за пределами этого ГУЛАГА? Все в нем?

– Богоизбранные, как они себя называют! Это высшие чиновники в сокомпании с олигархами, преступной элитой и генералами. Все остальные члены общества, так или иначе, обслуживающий их персонал!

– То есть все мы?!

– Именно! Но многие прислуживают, потешая себя иллюзией, что скоро они, или их дети, попадут туда – в управляющий клан! Некоторым действительно это удастся, что будет являться впечатляющим пропагандистским примером для оставшегося в службе быдла – «Не ропщите, вкалывайте, старайтесь и скоро мы возьмем вас к себе!»

– Так что все-таки первоочередное, похоть или жадность?– Егор помассировал слипающиеся глаза.

– Во многом благодаря похоти народной многим олигархам удалось стать тем, кем они есть! И тратят они на похоть часть своего состояния.... Иначе, зачем тогда богатство, как не чтобы обеспечивать наслаждением вышедшее из косметических салонов, обогащенное ствольными клетками тело!? Зачем?

– Ну..., например церковь личную отгрохать, или театр оперы и балета...у себя в саду!

– Это для потехи гордыни! Не без этого...

– Вот! А ты говоришь – п****а, п****а.... А для тех, кто с п****ой?

– Для этих *** и церковь в саду! Но, все-таки, те, кто с х****м двигают этот каток власти вперед, чтобы иметь любую понравившуюся...,– Кихкакин извлек сигарету и двинулся к балкону.

– Все это интересно, но – пора спать! – Суздальцев начал клевать носом.

Глава 13. Радов и Каменцев.

Жека Радов с приятелем, прикупив пять кубов опиума, двигались к остановке маршрутного такси. Евгений, все-таки, дождался Леху Каменцева с дозой.

Они, раскумарившись, вышли на промысел. В одном из пустующих домиков дачного района им удалось похитить двадцатилитровый алюминиевой бак и моток медной проволоки. Сдав это в пункт приема цветных металлов, они и разбогатели на пять кубов. Времена безработные, царившие в мире наркоманов еще до его первой посадки в зону, давно закончились. Мак тогда в больших количествах произрастал на дачных участках и личном подворье. Жека со своим специфическим коллективом, июльскими ночами опустошал эти выращиваемые, как украшения садов, грядки с маком, и с профессионализмом аптекарей, из надрезанных лезвиями головок, смакивали на бинтики, выступающий белым молочком, опий. Романтично и бесплатно! Другая была жизнь в стране! Летчики покоряли высоты бескрайнего голубого неба, моряки переживали шторм на бурлящей поверхности Марианской впадины, а компания юношей, под по-летнему казавшейся близкой Луной, с помощью старых шприцев вводила себе свежеприготовленный раствор опиума в кровь с ювелирством медбратьев. Такая жизнь наступала каждое лето, и продолжалась до сентября. Сентябрь запоминался мучительной ломкой, прерываемой, редкими эпизодами распития «кухнара». Мак, с каждым годом, садили все меньше и меньше. А пацанов, с каждым «сезоном», садили все больше и больше. Потом наступила и Жекина очередь. А когда он освободился из наркзоны, опиум стал уже покупным. Наступили времена рыночной экономики, и органам стало не до наркоманов. Вся страна любыми способами зарабатывала капитал. И арестовывать теперь наркозависимых стали не за наркотики, а за кражи, грабежи и тому подобное. Совершал этот контингент и убийства в период наркоголода на почве своего одурманенного алкоголем состояния. Леха Каменцев в силу возраста тех «золотых времен» не застал и колоться начал «барыжным дерьмом» за деньги.

– Жек, а у тебя ангидрид остался?– спросил он.

– Да... нету, но мне Алиска обещала!– ответил Радов, спрятавшись от осадков в центральной остановке.

Алиска – это молодая женщина, растящая трехлетнего ребенка, и торгующая «ханкой» на Жекиной улице. Алиска ввела вчера себе дозу и с огромной температурой провалялась сутки под ватным одеялом, так как в раствор каким-то образом попала инфекция. Поэтому и не смогла вовремя съездить за товаром, поэтому и пришлось пацанам приобретать «кайф» не у нее в соседнем доме, а выдвигаться аж в центр, рискуя попасть в лапы ментов. В направлении площади, с включенным проблесковым маячком, мчался милицейский УАЗик. Кореша насторожились, готовые тот час скинуть содержимое Лехино кармана в цветущий осенними травами, освещенный матовым светом уличных фонарей, мокрый газон. Но УАЗ проследовал мимо, и тут же в уши врезался тревожный визг резины. Люди повернулись туда.

– Вот козлы, чуть девчонку не сбили!– сказал рослый мужчина, плавно пошатываясь от недавно принятого спиртного. И все услышали, как парень, выскочивший из машины с мигающим маячком, крикнул отбежавшей на тротуар девушке: «Ну что ж ты, красавица!» А невысокая девушка с рельефной фигурой указала рукой на пешеходную «Зебру». УАЗик рванул дальше, и все спрятались от возобновившегося дождя под навес свежееотстроенной остановки.

Глава 14. Два опера.

Поиски у места захоронения ничего не дали. Следственно-оперативная группа вернулась ни с чем, верней с Анисимовым в заднем отсеке – «воронке», на месте доставленного домой брата жертвы. Вымокли, чуть не утопили служебную машину и не утонули сами!

В субботу Владимир Скрипко со Стасом Гусевым решили оправиться на Темную в частном порядке – провести в тайге выходные, поохотиться, подышать горно-таежным воздухом, да и поразмышлять прямо на месте событий о причине и виновнике оных! По «Темной» начали серьезно давить откуда-то с самого верха. Начальство нервничало и нажимало на розыск.

– Ну что, Стас, идем?– позвонил ему Скрипко. Был солнечный вечер в пятницу. Стас находился на даче. Сразу с работы приехал сюда. Сидел среди клумб с красными, желтыми, розовыми, фиолетовыми цветами, под деревом ярыги и ремонтировал электрический водяной насос. Созревшие ягоды ярыги время от времени щелкали по постриженной налысо голове старлея. Услышав звонок оставленного под навесом сотового, бросил насос, и устремился к нему по выложенной кирпичом дорожке, густо обсаженной кустами малины.

– Идем, идем, Володь!– ответил Гусев, окинув взглядом разнообразие посаженных супру-гой цветов. В квартире, так же, все подоконники были заставлены горшками с самыми экзотическими и простым цветами – от простой герани до африканской розы. Она разговаривала с растениями как с детьми. Каждый из них носил человеческое имя. « Ну что, Дашенька, загрустила!?» – бывало, поливая свои чада, говорила состоявшаяся бизнес-вумен.

– Я сейчас свою агентуру пробую, может что-где всплыло! Ты, то же не спи!– обратился к Стасу капитан криминальной полиции.

– Да я на даче уже,– ответил тот, вдыхая принесенный ветром аромат осыпающейся, жившей все ушедшее лето, разнотравной, слегка подопревшей листвы.

– Что, на следующие выходные к тебе, на шашлыки?– спросил Скрипко, вспоминая устроенный посреди сада мангал, где они жарили мясо в прошлом году,– Извини за наглость, но уютно там у тебя!

– Выходные подойдут, посмотрим,– ответил Стас и, положив телефон на врытый дубовыми ножками в землю самодельный, покрытый лаком, деревянный стол, отправился за калитку к холодному ручейку, где остывала пол литра «Кедровой».

Глава 15. Леший и Радов.

Наступила звездная ночь. Закончившийся дождь оставил после себя сырость воздуха, лужи во дворах и шумящую бурунами речку-гавнотечку, как называли жители протекающий вдоль всего поселка Фабричного (Лудье), замусоренный бытовым хламом ручей, превратившийся после затяжных осадков в грозный поток глинистой воды.

Этой ночью Жека Радов готовил инъекцию наркотика. Им с Лехой Каменцевым посчастливилось купить не готовый раствор, а, размером с полмизинца, кусочек опиума-сырца. У Лехи каким-то образом в наличии оказалась пара не сильно изношенных джиповских колес, а Жека сбегал до «Лешего» и реализовал их тому за семьсот рублей, божась перед большими размеров мужиком, что они не ворованные, и что он никогда, ни кому, ни за что не скажет – что продал их Лешему!

– Ген, если что – скажу, проезжал по поселку белый джип. Я остановил этого толстого мужика в очках и уговорил купить у меня их за две тысячи. Я-то не знаю – ворованные они или нет?! Их мне приятель подогнал. Сказал, что возле «штриховского» гаража нашел.

– Ну-ну!– насупился Вачура, но резину закатил в гараж,– Смотри мне!– погрозил пальцем «Радику», отчитывая семь помятых сотенных.

– Понял, понял, Ген!– обрадованный Жека схватил деньги и, размашистым шагом двинулся в поселок, где и сообщил Лехе Каменцеву, что удалось задвинуть колеса всего лишь за пятьсот.

– Кому?– глянул на него приятель.

– Да мужик возле ларька встал, я к нему. Он – пятьсот, больше нет. Я – они четыре штуки стоят! Он – пятьсот, больше нету! И с пивом в «Терранчик». Пришлось уступить.

Жека отдал деньги Каменцеву и предложил,– Поехали!?

– Поехали,– направился Леха к двери,– К Анне?

– Попробуем к ней. Давай по пути к Алиске заскочим. Может, очухалась, съездила за «чернушкой».

Леший не сильно обрадовался удачному приобретению. Знал закон жизни – свяжешься с наркоманом, не миновать проблем! «Но Радик меня еще ни разу не подвел»,– думал Вачура,– «Да и резину пора менять»! Лешему два года назад удалось скрытно наблюдать за Радовым в долине реки Темная. Случайно услышав в тайге звук человека, спрятался в кустах и увидел вышедшего на конопляную поляну Радова. Парень нагнул высокий куст и с двух сторон начал шоркать ладонями по смолянисто-пахнущему колосу-«макухе», состоящему из плотно прилегающих к друг другу грубых листочков и семян, с выступающими капельками смолы-гашиша. Эти капельки, разогретые сентябрьским солнцем, липли к ладоням. Жека потерял один куст, другой, третий... «Да!»– подумал Леший – «Густо насадил здесь конопля Радик»!– и потихоньку пошел дальше. А однажды, возвращаясь на Паджеро из тайги, остановился рядом с идущим с «пятки» Радовым и подбросил того до поселка, не задавая вопросов. Радов сам сказал:

– «Пятки» у меня здесь!

А Вачура соврал:

– А я с рыбалки. Воды в речки мало, форель вниз спустилась. Всего пять штук поймал,– кивнул головой на лежащую в пакете рыбу, на излов которой Вачура затратил максимум полчаса, обедая у ямы под скалой, в расщелине которой и была припрятана удочка. Наживкой являлись ручейники – желтые личинки, извлекаемые из ломких каменистых футлярчиков, поселениями прилипших к валунам под водой.

В багажном отсеке джипа у Лешего лежал мешок с завернутыми в мох пятью корнями дикого женьшеня, очень дорогостоящего на черном рынке растения.

Глава 16. Бывший егерь и его племянник.

Леший долгий период использовал самые разные дары тайги. На одних зарабатывал деньги, другие шли в пищу и на лекарства. Копал дикоросы, ездил ловить сетями сему, кету, горбушу. Бил медведя и кабаргу. Копал женьшень. Для поддержки, и без того не слабого здоровья, употреблял в пищу рябчиков и медвежью желчь, постоянно прислушиваясь к своему, напоминающему бульдозер, организму. И, при малейшем недомогании, применял в профилактических целях с детства известный ему набор таежных снадобий. Здоровье сегодня есть – завтра ушло! Видел это на примере своих знакомых. Пять лет назад отдал тысячу рублей на похороны таежника-Ильяса. Еще в апреле, двухметрового роста мужик, словно изюбр, бороздил горные хребты, не вынимая папиросу изо рта. Второго мая, отмечая сороковой год жизни, проспал, в пьяном виде, несколько часов на берегу, расположенного рядом с домом бассейна. Простудился, чувствуя себя с каждым днем все хуже и хуже. Потерял аппетит. И к концу мая из богатыря превратился в «бледную длинную жердь». Первый раз в жизни обратился к врачам и получил диагноз – «злокачественная опухоль в легких, с направленными в печень и кишечник метастазами»! А уже второго августа Вачура помог вынести большой гроб, с телом знакомого с детских лет человека, из опустевшей навсегда избы, и с товарищами поставил его на, вскоре отъехавший в направлении кладбища, кузов «66-го». И все – нет «медведя-Ильяса»! Изба со временем завалилась набок, проваливаясь в почву, и постепенно скрываясь в вымахавшей вокруг полыни и чертополохе.

К Вачуре одно время обращались многие с просьбой излечить от той или иной болезни, даже терапевт поселковой поликлиники. Имел бы склонность к афферизму, не плохо на этом мог заработать! А так..., обходился общими советами, при однозначном ответе, что не является врачом..., себя – может лечить, другие – лечитесь сами! Бывало, Лешего и заносило, и тогда он объяснял, пришедшему за советом знакомому, общую теорию различных заболеваний, но травы, имеющиеся в достаточном количестве на чердаке, ни кому не продавал, в редких случаях угощая снадобьями понравившегося человека.

За свои сорок пять лет жизни он еще так и не познал женского тела. Зов природы оказался слабей стеснительности в купе с не приязнью к слабому полу. Женщин он считал глупыми и корыстными созданиями, не достойными его внимания. Это закрепилось в его рассудке благодаря общению с женами двух младших братьев. Такой, как у них, «семейной идиллии» Вачура не желал.

Бог спасал девственника во многих жизненных передрыгах, хотя сам Геннадий презирал церковь и ее служителей, а так же членов расплодившихся в последние годы религиозных сект. Часть это состава – властолюбивые хитрецы, считал он. Другая часть – потерявшиеся в нормальном обществе, а поэтому ушедшие в мир иллюзий люди. А третья, самая энергичная и искренняя – это просто невменяемые. И к этим невменяемым, живущим в «параллельном мире», Вачура, все-таки, относился с достаточным уважением. Одним из таких он считал Отшельника, обитающего на двухвершинной горе, под названием – Темная. Бывало, когда не спалось зимними ночами в своей жарко протопленной избушке – времянке, доставал из тайника за печкой золотой самородок. Свет огня ускользал из щелей створки печи и бликал ярко-желтыми лучами, отражаясь от лежащего на ладони куска драгоценного металла, сверкая золотистыми вспышками в темных очах закоренелого таежника. Вачура, вот так, просиживал на застеленном старыми одеялами деревянном топчане около часа, выбрасывая из своих глаз в сторону, задернутого давно нестиранной занавеской, маленького окна, искры от сверкающего на ладони металла. Затем глубоко вздыхал и прятал подарок Отшельника обратно в стену, затыкая отверстие побеленным кирпичом.

Глава 17. Отшельник и Леший.

Один раз ему приснился сон, в котором он наткнулся на россыпи золота у каменистой вершины Темной. Вот откуда Старец взял золото! – подумал он при пробуждении. Леший уже давно излазил гору вдоль и поперек, но так не разу и не поднялся, ни на заросшую высокой травой, напоминающую холм, вершину, ни на параллельно стоящую, каменистую, в виде острого пика. Не было нужды – вот и не залазил! В следующий раз, при случае, он решил не полениться, и взойти на самый верх. Отшельник как-то обмолвился при встрече, что на пологой вершине Темной, под единственным высоким деревом, среди непонятно как оказавшейся здесь луговой травы, и расположено его жилье. Вачура, при следующем посещении, задумал оставить племянника Димку, приглашенного с собой, внизу, и навестить Савельева прямо в его жилье, а не встречаться с ним у горного, наполненного форелью, ручья. Вернее, Отшельник, неожиданно для Лешего, встречал его у ручья сам. Может в этот раз удастся и Вачура подымится незамеченным на вершину!

Единственным деревом, расположенным рядом с избушкой Старца, был огромный старый кедр, хорошо видимый за десяток километров. Так что отыскать логово лесного человека не составит труда! Карабин спрятан у Лешего в одной из пещер, расположенных в скале над речкой. А вот патронов к нему в тайнике осталось мало. Придется пополнить там запас боеприпасов! Ведь он недавно приобрел у главного лесничего из соседнего района тридцать патронов. Приобрел дешево по старой дружбе.

Поэтому содержимое металлического ящика будет скоро укомплектовано! При недавней встрече лицо у лесничего выглядело усталым и грустным.

– Я бросил пить, Ген! Врачи сказали, хочешь жить – бросай водку! – взяв пятьсот рублей за патроны, сказал он Вачуре. Леший обрадовался, так как выпивки последнего при встречах, сильно раздражали Геннадия, не пробовшего никогда в жизни крепкого спиртного.

Вечером в пятницу появился Димка, Вачура произнес:

– Завтра на Темной будем собирать ягоды элеутерокока...

– На хрена они нам!? – засопел родственник.

– Ты..., слушай! И виноград.

– Зачем? – Димка продолжал сопеть, поставив локоть на заставленный редко мытой посудой стол, подперев ладонью подбородок, сидя на недавно сколоченном, дубовом табурете. Сопел и преданно смотрел в дядькины глаза, вспоминая Чингачука – Большого змея из просмотренных в детстве Гэдэеровских фильмов.

– Из винограда поставим вино, – продолжал Вачура, – Не ради пьянки, ради здоровья! Добавим немного свежей дыни...

– А элеутерококк зачем?

– Ягоды этого растения при брожении выделяют особые вещества, помогающие впоследствии безболезненно справляться организму с похмельем, придающие ясность мысли при распитии.

– У меня и от простой самогонки мысль ясной становится! – вставил племянник.

– Потому что ты дурак! Самогонка – это яд, а я тебе, балбесу, о полезном говорю!

– Зачем тебе, Ген, вино? – Димка ни разу не видел Шурму выпивающим.

– Я уже четвертую осень такое вино ставлю. На Новый год и для гостей.

Димка вышел на крыльцо и извлек из пачки «Примы» примятую сигарету.

– Подыши дымком, глядишь – поумнеешь! – съязвил Геннадий, пройдя мимо, в сторону стоящей на приколе технике, с целью – справить малую нужду.

Во дворе располагался летний душ, за которым и стояло скопище из старых, но еще жизнеспособных агрегатов: гусеничного трактора «ТД- 57», мотоцикла с коляской «УРАЛ»,

ГАЗа-66го. За нее он и ходил по «малой нужде». По «большой» ходил в кусты смородины и вишни. Уборной во дворе не было. По одну сторону техники находился «туалет под небом», а по другую шел завершающий этап строительства обширного особняка из темных лиственечных бревен. Для кого и для чего возвел этот «дворец» Вачура оставалось его тайной. Тайной мужика – трудяги, мечтой о счастье бобыля – таежника, у которого не хватало наглости или бесшабашности поделится с кем-то своими планами. А может, такие устремления только при себе и можно держать?! Или – не повстречалось еще в его жизни настолько близкого человека, коей мог быть в курсе «личного» бывшего егеря, браконьера Геннадия Вачура.

Глава 18. Наблюдения за домом Ананаса.

Под утро Леший проснулся. Ломило спину. Он поднялся, чтобы хлебнуть чая. Отодвинув нестиранные, короткие занавески, выглянул в маленькое окно и увидел, как к дому Анисимова подъехал какой-то джип. Фары погасли. Черная мгла вновь накрыла соседскую территорию.

Настой зверобоя стоял в старом чайнике на еще теплой печке. Примерно через полчаса джип уехал. Вачура прилег, а затем вновь присел к окошку. И опять к дому Анисимова подъехала машина. На этот раз это была легковушка. И вскоре удалилась в направлении поселка.

Вачура вздремнул поверхностным сном и вышел по нужде. Начало светать. И опять! К дому соседа подъехал джип. Скорей всего, тот же самый. В забредившем рассвете было видно, как из автомобиля вышла фигура мужчины и он, по-хозяйски открыв калитку, вошел во двор.

Вачура почувствовал, что его любознательность становится навязчивой и подсматривать перестал. Какое ему дело до своего соседа?! Меньше знаешь – крепче спишь!

Глава 19. После дискотеки.

Джип «Паджеро» стоял в капитальном гараже за забором. Здесь же поместились токарный, сверлильный станки и сварочный аппарат. Все это хозяйство за бесценок было приобретено в перестроечные времена. Такие изделия тогда просто сдавались на металлолом. В углу гаража стояли две двухсотлитровые железные бочки. Одна, полная дизельного топлива. Другая, была до краев залита моторным маслом «Мобил». Этими жидкостями Вачура осторожно приторговывал, продавая «по-дешевой» проверенным «своим».

Димка аккуратно пускал струйки дыма в сторону заходящего за желто-красные сопки, осеннего солнца. Стало прохладно. На небе ни облачка, от горизонта до горизонта. Лишь клин гусей нарушал идеальную синеву атмосферы, прощально скрываясь за чертой потемневших гор. Димка, в отличие от дядьки, не заметил птиц. Мысли его были сосредоточены на вчерашнем, на воспоминаниях о посещении дискотеки, на которой, подвыпивший, он все никак не мог решиться пригласить на танец веселую блондинку.

– Что за девчонка?– наконец-то спросил он у своего дружбана.

– Да это Машка! Возле площади живет,– ответил пошатывающийся от самогона приятель.

Раскрасневшаяся от энергичного танца Машка, под песню «Иванушек» «Золотые облака», эротично двигала руками, ногами, попкой. Низкий вырез на белой кофточке придал парню смелости.

– У нее пацан есть?– Димины глаза азартно засверкали.

– Кто-то был, но его, говорят, посадили,– ответил дружбан. Допив из банки остатки крепкого пива, Димка уверенной походкой направился к девчонке. А та кружилась среди подруг. Белые волосы волнистыми прядями, в мигающих разноцветных лучах, взлетали, извиваясь, в разных направлениях.

– У-у-у, какая!– оттолкнув плечом танцующую на его пути подругу, обратился он к Маше. Та, замедлив движения, удивленно взглянула на него:

– В чем дело!?

– Да все нормально!– Дмитрий схватил ее за руку.

– Ух, какая!– пытаясь обхватить ее талию, говорил ей в лицо парень. Маша вдруг, белоснежно заулыбавшись, и держа парня на расстоянии, отбиваясь от его цепких рук, вошла в прежний ритм движений. Песня закончилась и подруги пошли к креслам у стены. Ухажер последовал за ними. Машина подруга, с серьезным лицом, куда-то удалилась. Они остановились рядом с занятыми креслами. В них дремали двое парней. Это Жека Радов с Алексеем Каменцевым решили вспомнить молодость и посетили «дэнц». Изрядная доза опиума практически усыпила их.

– Здоров, пацаны!– радостно сказал им Димка.

– Здоров, здоров!– приподняв лицо, заплетающимся языком ответил Радов, вяло протянув руку для рукопожатия.

– И здоровей видали!– Каменцев щелочкой приоткрыв один глаз, лениво протянул ладонь приветливо улыбающемуся Дмитрию.

– Где там твой дядька!? В тайгу не собирается?– окончательно вышел из «зависа» Жека.

– Да завтра утром на Темную шишковать выдвигаемся,– сообщил словоохотливый собеседник.

И тут сбоку, размашистым шагом к Димке приблизился рослый парень с потемневшим лицом, чуть сзади которого семенила недавно удалившаяся куда-то Машкина подруга. Парня звали Александром Зверевым. Он, как три дня назад освободился из тюрьмы по УДО.

– Пошли-ка, дружок, на крыльцо пообщаемся!– хлопнул он по Димкиному плечу.

– Че, че, у вас такое!?– встал с кресла Радов.

– Да сейчас с хлопцем поговорим!– ответил парень, носивший кличку «Зверь», и, слегка подталкивая, повел незадачливого ухажера из танцевального зала, со второго этажа на улицу. Пока спускались по ступенькам Димка сильно протрезвел и здорово пожалел, что так нахально приставал к девчонке. Он понял, что это и есть тот пацан, про которого Леха и говорил, что его «посадили».

На крыльце Зверь обогнал Димку и подошел к перилам ограждения, перегнув голову через них. Внизу, метрах в трех, находился газон, освещенный светом, каким-то чудом сохранившихся, уличных фонарей.

– Ну что скажешь? Знаешь – зачем я тебя сюда пригласил!?

Зверь был на полголовы выше незадачливого кавалера, немного шире в плечах, и дышал как-то тяжело, сипло. То ли от злости, то ли от двухгодичного пребывания в заключение, то ли от того и другого. Лицо его было темно-серого цвета. То ли от чефира, то ли еще от чего.

– Из-за девчонки?– слегка дребезжащим голосом произнес Дмитрий.

Лицо Зверя совсем почернело и правая рука медленно поползла назад, на замах.

– Пацаны, пацаны, стоп!!!– между ними вырос Жека Радов,– Сань, что у вас за ерунда?– посмотрел он в глаза Александру Звереву.

– Он мою девушку оскорбил!– не отводя взгляда от Димки, ответил тот, ненавязчиво отстраняя левой рукой Радова в сторону.

– Прости его, он не знал, что это твоя!– Радов пользовался в криминальных кругах определенным авторитетом. Каменцев настороженно стоял сбоку. Наркоманы окончательно вышли из «зависа». Жека зыркнул на Димку:

– Что молчишь!?

– Извини, я не знал...

– Это не плохой пацан, Сань!– сказал Радов.

– Да ладно, пацаны, прекратите!– улыбнулся краем рта Каменцев.

– Больше не подходи к этой девушке!– выдохнул в лицо Дмитрию Зверь. Вокруг, в предвкушении побоища, столпилась любопытная молодежь.

– Понял, понял... Базара нет!– согласился племянник Лешего.

– Ты потом поймешь – когда с этого крыльца головой на газон упадешь!– Зверь направился к входу, извлекая из пачки сигарету. Любопытствующие дружно расступились перед ним.

– Да ладно, ты, Сань, не злись!– сказал ему вслед Жека,– А ты, Димон, води себя скромней!

– Да я не знал, Жек...

– Смотри, Зверь – парень жесткий! Есть сигарета?

– Прима, Жек...

– Нет, не надо. Приму я задолбался в лагере курить! Это...,– промолвил Радов,– А во сколько вы завтра с Вачурой на Темную едите?

– В восемь.

– Утра?

– Ну да!– Димка уже пожалел, что сболтнул про поездку. Дядька такого не простит!– А что?

– Может, нас с Лехой до речки подвезете? Мы завтра, тоже, на Темную шишковать движемся.

– Да нет, у нас места не будет. Меня и так дядька ели-как с собой взял, а тут – я еще вас с собой приведу!

– Ну нет – так нет! Ну, бывай! Может, завтра на Темной встретимся.

Жека с Лехой поднялись в танцевальный зал, а рядом с Дмитрием тревожно сгруппировались приятели:

– Че, че такое?

Да так, ерунда.

Про эти события и вспоминал он, когда смотрел на скрывающееся за сопкой солнце. Бросил окурочок в заросли полыни у забора, и пошел помогать Лешему собираться в тайгу. Положили в рюкзак немного картошки, лук, рис, соль, десять коробков спичек, четыре пачки «До-Ширака», две буханки хлеба, пакет сухарей, полуторалитровую бутылку какао с молоком. Ни мясо, ни рыбу не брали – есть ружье, удочка – они прокормят! Саперную лопатку Вачура бережно завернул в старое, застиранное полотенце – им и вытираться будут! Пятьдесят коробков спичек, две пачки соли, леску с крючками, три пачки сигарет «Собрание», пять пар носков, кирзовые сапоги, семь кило муки, новый охотничий нож, пять кило сахара, старое солдатское одеяло Леший сложил в отдельный мешок на лямках – это для Отшельника!

Глава 20. Савельев-Отшельник.

Ясное голубое небо простиралось во все стороны над темно-зеленым ковром, созданным из, покрывающего склоны Темной, кедрача, могучие стволы которого были обхватом в четыре человеческих руки. Свободное от кустарника и травы, сумеречное пространство под ними застелено ровным, рыжим покрывалом, выделяющий оздоровительный озон, опавшей хвои. Уже несколько веков тянутся эти деревья, когда, к чистому небу, когда, к грозовым тучам, когда, к ночным звездам далеких галактик, свет которых идет до Земли тысячи лет. Кору не было на двух стволах этих кедров-великанов, ее не было на высоте в полтора раза выше человеческого роста – ее вчера ободрал Уссурийский тигр своими, похожими на стальные кинжалы, когтями. Падающий с трехметровой высоты водопад, наполнял атмосферу ровным, умиротворяющим гулом и туманной моросью. Лишь зимой он стихал, превращаясь в отвесную глыбу прозрачного льда. Лианы кишмиша, винограда и китайского лимонника, резко и сухо потрескивали тогда от новогоднего мороза. Они толстыми нитями свисали вдоль застывшей в падении воды, шум которой низким звуком продирался сквозь толщу льда, создавая ощущение сказочного таинства. Звук больше ощущался ступнями ног, волнами поднимаясь к голове, чем воспринимался ухом. Но это зимой, а сегодня начинающие желтеть «болванчики» кишмиша и кровавые грозди лимонника зависли у звонко падающей воды, вверх по которой, выпрыгивая в воздух, настойчиво пытается подняться пятнистая форель. Резко задувает ветер, и наполненные до отказа орехами, смолянистые шишки срываются с кедровых макушек и небесным камнепадом плюхаются в воду, дальше по склону стучаются о хвойный ковер. Форель прекращает шторм и молниеносно прячется под, выступающие на поверхность глубокой ямы, объемные валуны. Отшельник, сидящий у воды на одном из таких, черного цвета, каменных овалов, опускает лицо к коленям и прикрывает затылок руками. Пара шишек одновременно ударяет в район расположения почек. Отшельник ойкает от боли, спрыгивает с валуна и садится на хвою, плотно прижимается спиной к каменной глыбе. Плоды кедров стучат рядом. Отшельник поднимает одну из шишек и сдирает большим пальцем левой руки смолянистую чешую, оголяя ряды крупных орехов. Руки становятся липкими от пахучей смолы. Он щелкает орехи зубами, поедая питательные зернышки. Форель выбирается из-под валунов и возвращается к прежнему занятию – покорению высоты низвергающегося водопада. Как ни странно, количество прыгающей рыбы уменьшается – значит, какой-то все же удастся взобраться по падающему потоку на трехметровую высоту. Справа от себя Отшельник обнаруживает пестик с красно-черными ягодами женьшеня. Он аккуратно собирает в ладонь ягоды и кладет их в пустой спичечный коробок. Растение высотой ему по грудь, а значит корень весом не меньше тридцати грамм. «Ценный экземпляр!» – думает он.

Восемь лет назад, недалеко от этого места, на него напали двое. Они копали чужой корень и «старец» вышел к ним. Один из них, худой и лысый, в армейских берцах, со сверкающими

золотом зубными коронками, тут же схватил прислоненную к кедру двустволку и направил в грудь Отшельнику. Отшельник же спокойно произнес:

– Негоже, ребята, чужое добро прибирать!

– А ну, вали, дед, отсюда!– направился к нему второй, с открытым ртом, потный и беззубый. Его правый глаз непрерывно моргал. Правое ухо не имело верха. Рыжая поросль окаймляла подбородок. И тут Отшельник резко устремился за дерево. Прозвучал выстрел.

– Ну, сука!– закричал худой и бросился к нему, на ходу еще раз выстрелив в высунувшего голову «старца». Остановился и перекинул стволы для перезаряда. Беззубый, с саперной лопаткой в руке, спешил следом. Отшельник вышел из укрытия, зажав что-то в кулаке, и, не мигая, уставился на нападавших. Те, вдруг, застыли на месте и громко закричали, схватившись за уши. А затем, продолжая вопить, быстро побежали в разные стороны, бросив ружье и лопатку. Вскоре крики и треск затихли. Отшельник поднял с земли ружье, лопатку, два рюкзака и, не заглядывая в них, отнес все это в расположенную чуть ниже по склону пещеру. А через неделю увидел в буреломе обглоданное волками, повешенное на брючном ремне тело. Это был «худой». Отшельник предал останки земле тут же, там, куда упал, после обрезания веревки, растерзанный снизу звериными клыками труп. После захоронения, все-таки, пришел в пещеру и осмотрел содержимое рюкзаков.

Глава 21. Бутова игнорируют.

У Бутова ничего не получалось в «раскрутке» задержанного. Парень оказался упертым. Мало того, что недавно увел из-под носа Бутовского друга-бизнесмена приличный заработок, сейчас ни как не сознаваясь в хищении сварочного аппарата, дрели, перфоратора со строительного объекта, принадлежащего приятелю Вадим Вадимовича, так еще и отказывает ему, майору Бутову, ставленнику генерала Пасыкова, в пяти рулонах рубероида, так нужного на покрытие крыши гаража начальника Кавалеровского уголовного розыска. У допрашиваемого имелся свой строительный бизнес, составляющий конкуренцию бизнесу давнего знакомого по фамилии Еремин. И этот «строительный делец» спокойно существует в камере, не страшась условий. «Ему бы написать явку с повинной – да под сиську к жене!» – думал майор, – «Так он еще произносит режущие слух слова – Справедливость, Презумпция невиновности! А закон и справедливость в этом районе – это Я!» – давно решил майор, потягивая мелкими глотками «Максим» японского производства, – «И разве не справедливо подарить грозе всех бандитов Северного приморья, пять, всего пять(!), рулонов рубероида в обмен на такое сладкое состояние, как свобода?!» А как она ценна для людей, уж Вадим насмотрелся за свои 18-ть лет оперативной деятельности. Тем более, ущерба нет – ворованное оборудование, найденное в присутствии понятых на объекте у арестованного, возвращено законному владельцу. «Сознавайся – и домой – за рубероидом!»

– Дело оборотней в погонах продолжает свое развитие, – слышалось из динамика, недавно подаренного лесозаготовителем телевизора, – Вчера были арестованы еще двое высокопоставленных сотрудника МВД, использующие свое служебное положение в целях личной выгоды, – строго произнесла чернявая дикторша.

– Ох уж, эти оборотни! – вздохнул майор, – Чем крупней звезды на погонах, тем наглей хапают!

Бутов подошел к открытой форточке, из которой тянуло утренней свежестью, наполняющей пространство когда-то оставленного будущим генералом кабинета, – Ну что, так и будем невинность изображать!? – обратился он к угрюмо сидевшему за столом допрашиваемому.

– Ни сам не воровал, и никого не посылал туда! – ответил тот, уставившись на стоящие за окном, еще мокрые от дождя тополя.

– Данилыч, факты-то говорят другое. Я-то тебе верю! Знаю, что для человека с твоей репутацией глупо становится воровайкой. Впереди возможно депутатское кресло.... Да и человек ты не из бедных, давно занимаешься бизнесом, мог бы и купить оборудование.

– Вот именно!!! – арестованный продолжал смотреть на деревья. Бутов вернулся к столу и присел на свое место, не заметно нажав на кнопку «вызова».

– На хрена ж воровал тогда!? – выпучил он глаза, замерев в злобной позе. Майор уже давно не испытывал ни каких чувств к подследственным. Так..., даже насильники, педофилы и убийцы представлялись ему просто рабочим материалом. Таким же материалом были и свидетели с сослуживцами. А вот к таким «героям-добровольцам», не понимающим важность и мощь Бутовского уголовного розыска, майор относился с неприязнью. Выполнял бы намек, согласился привести рубероид, в дальнейшем мог бы стать членом Бутовской команды, – думал майор, – Да и воровал бы тогда потихоньку.... Про друзей только б помнил. Да и рубероид не только ему. Вон заместитель, Скрипко, тоже строится... и не хватит ему зарплаты, чтобы купить этот сраный рубероид. Зарплаты, ха! – мысленно усмехнулся Бутов. За зарплатой он уже давно ходит так, для приличия. Да и для капитана Скрипко ментовская получка не играет значительной роли. Это вон, Серега! – вспомнил майор про свежеприбывшего опера, – Пока еще до аванса занимает.

– Да не было ничего такого! – улыбнулся Данилыч.

– Может, и не было, да судья не поверит!

– Ну, это еще посмотрим!

В кабинет заглянул сержант.

– Смотрите, смотрите,– с грустью в голосе произнес начальник УГРО,– Уведи!– вдруг энергично махнул он рукой. Интонация сделалась «стальной».

– Вадим Вадимыч, мне нужен адвокат!– спокойно сказал задержанный, за спиной которого уже стоял сержант. Бутов не реагировал на просьбу, копаясь в столе.

– Я требую адвоката!

Глаза майора сверкнули, он задвинул ящик стола и поднялся.

– Встать!– рывкнул сержант и жестко схватил Данилыча за плечо. Тот медленно поднялся. Бутов с ключами в руке уже стоял у двери.

– Вперед!– подтолкнул в спину подследственного сержант. Майор закрыл кабинет и спустился на этаж ниже, в кабинет начальника Кавалеровского РОВД. Ему первый раз в жизни отказал в материальной помощи задержанный. Отказал прямо. Правда, далеко не все эту помощь оказывали, но или было нечем, либо, покидая пределы отдела забывали об обещанном. Но что бы вот так! «Рубероид есть – покупай!»

«Не ужели я – мент, полностью ликвидировавший оргпреступность в районе не имею права на заботу этих граждан?! Если бы не я, то этих дельцов, отказавших в оплате, вывозили бы сейчас какие-нибудь «общаковые» на Темную и там заставляли бы рыть себе могилу.... Уж лучше ко мне некоторое уважение проявить, чем в тайге быть похороненным!»

Бутов да же немного растерялся, когда шел в кабинет шефа, испуг холодным мгновением мелькнул в душе – не «засланец» ли!?

– Что там у тебя по Темной?– спросил начальник, внимательно читая через редко одеваемые очки какой-то документ.

– Достала уже эта Темная, Алексеич!– Бутов сел на стул,– Вы же в курсе.... Сами занимаетесь,– удивился начальник УГРО.

– Я-то в курсе.... А ты в курсе?– начальник снял очки и отодвинул в сторону папку,– Она не только нас достала. Вот – любуйся!– полковник подал главному оперативнику одну из бумажек,– Краевое ФСБ запрашивает!

– По Темной!?– уставился в документ Бутов.

– До вечера подготовь и отошли полный отчет.

– К чему такая спешка и причем тут ФСБ?

– Говорят, учения там у «Мигов» с Соколовки были, ракету секретную потеряли...

– Это ж «Минобороны»?!

– Короче, Вадим, дело это у них секретное! Я и ты!– полковник двинул по столу к майору какой-то документ, протянул ручку,– Распишись!

– Да у меня своя,– взгляделся в документ Бутов.

– Завтра прибудет с края человек. Будешь работать с ним!

Бутов поставил подпись и двинул расписку обратно.

–Пасыков арестован, Вадим.

Майор изумился. Зрачки расширились,– Когда?!

– Люся вчера позвонила. Все серьезно. Обыск трое суток продолжался. От суммы, да от тюрьмы..., как говорится!

– А кто?

Полковник молча поднял указательный палец к небу.

– А кто ему посоветовал?

– Не знаю. У генералов всегда много врагов! Иди, готовь отчет! И человека найди в совместную поисковую группу!

– Так ведь, секретно!?

– Значит сам готовься на завтра! Все, иди!

Бутов с недоуменным лицом вышел и, поднявшись в свой кабинет, вызвал капитана Скрипко.

– Что там у тебя по Темной?– спросил Вадим вошедшего Владимира Скрипко.

Устало присевший на стул капитан вытаращил глаза,– Так вчера утром...

– Задолбала эта гребанная Темная!!!– не дал ему договорить майор Бутов,– Информация нужна полнейшая – чьи там лесные деляны, кто туда за ягодой, барбарисом, кто в походы ходит,... Задействуй всех и прямо сейчас! К 23.00 доложишь!

– Что за суета, Вадим!

– Да не суета это, а необходимость...

По включенному телевизору начались новости:

– По прогнозам ученых на солнце в ближайшие дни будут происходить небывалые ранее вспышки. Активность светила достигнет своего максимума за всю близлежащую историю, в результате чего многие электронные и электротехнические приборы выйдут из строя. Электро-сети и другие ведомства предупреждены. Сбои в работе компьютеров, сети интернета, сотовой связи неизбежны. Пик вредного воздействия на электротехнические устройства придется на 22 сентября 2012года. В связи с этим международный экипаж МКС прекратил свою работу и вернулся на землю.

– А я думаю – что сотик у меня глючит?!– Бутов извлек из брючного кармана свой мобильник и уставился на него.

– На днях был арестован министр внутренних дел республики Хакасия генерал Пасыков!– не громко произнесла чернявая дикторша. Сотрудники УГРО замолчали и уставились в пло-ский экран.

– Не хрена себе!– одновременно промолвили, коротко взглянув друг на друга.

– Так он же тебе звонил на днях!– сказал Скрипко, коротко оторвав взгляд от экрана.

– Привет всем и лично тебе и... все!

– Так, а «бодяга» там с центром?

– Эта «бодяга» второй год продолжается. Ты же знаешь – русские генералы не сдаются!

– Когда они не сдаются, их просто убирают!– достал сигарету Скрипко. Дикторша продолжала:

– Любый браконьер, находящийся под «налоговым обложением» Пасыкова не обращал ни какого внимания на госрыбинспекцию. Да и она не рисковала задерживать ставленника министра внутренних дел. Добытая на территории республики нефть, так же, практически принадлежала генералу...

– Не хило, Петрович!– обнюхал сигарету Скрипко.

– И не в первой!– улыбнулся Бутов.

– Министр МВД республики еще более полутора лет назад был смещен приказом министра МВД РФ, но фактически, оставался руководителем республики.

Далее были показаны кадры с комментариями о действиях генерала Пасыкова в различных сферах частного бизнеса и государственных, управленческих структур, а так же об его влиянии на республиканскую федеральную службу безопасности...

– Интересно говорят – «республиканско-федеральную»?– прокомментировал Скрипко.

Вадим Вадимович Бутов, человек, похожий на якута, собрался со своими комментариями. Он, как-то мелко засеменял ногами под командирским столом, сосредотачиваясь с мыслями. Зазвонил мобильник. Бутов приложил дешевую трубку, не моргая, уставившись Скрипко в глаза:

– Бородатого не трогать сказал!– раздраженно ответил кому-то,– Терпи!– по-прежнему гип-нотизировал своего помощника по розыску, словно телепартируя ему суть разговора,–

Прекращай истерику! Через неделю.... Я тебе обещаю.... Да! Сам себе велосипед.... Твой собственный флаг у тебя в руках и будет! Да, генерал все подтвердил!

Скрипко прощально взмахнул ладонью и удалился из кабинета.

Глава 22. Встреча с информатором.

Скрипко подкараулил Радова на углу дома. Мигнул фарами и заехал в гаражи. Через некоторое время появился Евгений и, быстро оглядевшись, запрыгнул в салон.

– Жень, может что еще про Темную вспомнишь? Кто-нибудь, может, что-нибудь рассказывал..., да хоть в детстве, да хоть про барабашку!– Скрипко резво рванул на «Скалаине» по грунтовке в сторону Темной. По-осеннему близкая ночь опустилась над тайгой. Автоматическая коробка плавно меняла передачи, передавая крутящий момент двухсот пятидесяти сильного двигателя на задние колеса, «обутые» в широкопрофильную, спортивную резину. Панельный щиток мягко светился желтым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.